

Письмо

85. (on 2000...)
86. Отправил письмо
Ремизову
(от - при обращении
к 100 - 3000000)
Д. Раджапов
мис. мис
с. полковник

Полухина Наталья

16+

Наталья Александровна Полухина

Письмо. Серия

«Другая сторона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56409645

SelfPub; 2021

Аннотация

Представьте себе, что вы живёте свою одинокую жизнь, присматриваете за домом родственников, стареньким и никому не нужным "семейным гнездом", и вдруг начинаете слышать Голос, который начинает вами командовать, а вы не имеете сил отказаться. Да и любопытство. Куда оно вас заведёт? Вы находите по указаниям Голоса письмо от неизвестного маленького мальчика, где рассказано об убийстве, и начинаете ваше странное мистическое расследование. В ходе которого вы находите нечто таинственное. И тут ваш дом сходит с ума и выбрасывает вас в аналог этого же дома, где живёт странный мальчишка, написавший письмо. Вы парите над землёй, вас кусают неведомые существа, вы перемещаетесь непонятно куда и непонятно как, и мир вокруг вас начинает свою странную пляску...

Наталья Полухина

Письмо. Серия

"Другая сторона"

Проверь свою тумбочку. Проверь. Голос в голове повторил это снова. И снова. Не послушаться голоса в голове – превыше любых сил. Я не сомневался в собственной невменяемости, поэтому открыл. Проверь. Справа в углу, смотри, письмо. Вот оно.

Дорогой друг! Дорогая моя высшая сила! Милый Бог!!! Пожалуйста, если ты читаешь это, значит, ты существуешь...

Почерк был детский, девичий, листочек вырван из тетради в клетку, небрежно, скоро, криво, часть страницы оборвана, ещё кусок вырвало из другой страницы. Так рвут впопыхах, когда плевать и всё равно, так рвут, когда стараются изо всех сил, а получается как назло, кошмарно, криво, с дырами и заломами.

...Мама и папа лежат в углу, вокруг всё красное, наверное, это их кровь. Я бы хотел всё исправить, мне так страшно теперь одному...

Боже! Что за бред? Кто это мог написать? Что это?

Читай, читай, а то ты пожалеешь. Голос в голове неумолим. И не возразить. Читаю дальше. Кто же ты, неизвестный

мальш? Всё же это, похоже, мальчик. Или девочка, которая хочет казаться пацаном.

...Когда меня заберут? Может быть, кто-то придёт? Мне очень хочется есть. Дорогая высшая сила, пожалуйста – пожалуйста – пожалуйста, приди и исправь всё, я очень тебя прошу! Пусть это всё исчезнет и этого никогда не будет!..

Я зажал лист в руке и побежал вниз по лестнице. Под ногами гудел старый домик моей бабушки, куда я приехал присмотреть за стенами и окнами. Приглядывал здесь за хозяйством, узнавал, не нужно ли чего починить, ремонтировал то, что ломалось. Строеение сейчас истошно скрипело и хотело под снос. Трещина по диагонали во всю стену красноречиво рассказала о необходимости это сделать. Зимой здесь стало холодно из-за трещины. Бабушка давно умерла, через много лет после деда, когда всё забылось уже. А дом было жаль и мне, и всем моим родственникам – сестре и младшим братьям. Старенький родной любимый домик моей бабушки, как я по тебе скучал! В детстве я проводил здесь как минимум один месяц в году, обычно это было лето. Иногда я появлялся здесь на Новый Год и в другие памятные даты, и в честь семейных событий. Помню свою страсть к старым страннным вещам, частенько откапывал их в шкафах, тумбочках, столах, в ящиках, которые находил под кроватями, в подвале, в погребе и в гараже. Погреб с его запахом червей, гнилой картошки, квашеной капусты и мышей. До чёр-

тиков пугало меня это место в детстве, я всё придумывал себе невесть что! Боялся, что спущусь и увижу в подвале труп. Мертвяка, мы так тогда говорили. Но теперь меня пугают такие письма. Ну что, моя нынешняя находка? Малыш, кто же ты? Что мне теперь с этим делать? Кому письмо? Противный голос в голове притих. Видимо, он выжидал, когда же у меня пройдёт нахлынувший так предсказуемо приступ воспоминаний.

Решил отправиться на кухню. Раз у меня в сумасшедшем доме на плечах тишина, надо пользоваться случаем, а то снова оно там заговорит. Что тогда делать? Пошёл во двор, вытащил из машины пакет со снедью. Всё началось, ещё когда ехал сюда. Тот голос заговорил со мной прямо в машине, не дожидаясь, когда доберусь. Я со смехом подумал, что это что-то вроде GPS-навигатора, наверное. Посещения психотерапевта дали своё. Вам мешают эти ваши голоса в голове? Сейчас мы поработаем над тем, чтобы вас это не напрягало! Не то, чтоб голоса были чем-то обычным, но... в общем, я не удивился. Вот неведомо, почему. Атмосфера дома, дворика, леса за оградой и реки была изысканно сверхъестественной, мистической, сказочной и волшебной. Хотелось шутить о том, что если услышу тут голос в голове, увижу русалку или единорога – не удивлюсь! Когда появился голос, я не удивился, правда. Даже ждал чего-то такого.

И вот открываю я багажник, а пакета нет. Ладно. Хорошо. Ничего удивительного. Итак, по порядку Помню, как вынес

пакет из супермаркета и положил его прямо сюда, сзади, в багажник. Помню, как плюхнулся за руль и окатил в сторону дома щебневой грунтовкой. Помню, как укатано, привычно шуршали, скрипели, гудели колёса моего авто о камни. Помню, как приехал. А теперь пакета в багажнике нет.

Возвращаюсь в холл, он тут совмещён с кухней. Холл у меня как веранда. Его окна во всю стену и состоят из многих мелки окошек, стекло затянуто в сетку сот, а верхний ряд – витраж. Цветные лучи рисуют на стенах, потолке, полу и на всём, что тут находится, цветные волшебные татуировки. В детстве я считал это место лучшим в мире, островком умиротворения и благополучия, куда я прибегал после своих детских приключений, напуганный, усталый, плюхался на старый диван. Диванище, настолько дремучий, что пружины даже не гудели, он был весь в рытвинах, грязный, старая полосатая кошка Мурка, когда ещё была жива, родила однажды там котят. Вхожу в холл, пакет как раз красуется на этом диване. Когда я успел? Странно. Не помню, чтобы я его сюда приносил. Всё же прекрасно помню, всё – как приехал и как бросил авто во дворе перед крыльцом, выбежал, машину не закрывал – зачем? В округе никого, одиноко и пусто. У дома необслуживаемая маленькая подстанция с гудящими проводами, река, лес и пустоши за рекой, степи и это всё. Поднимаюсь на крыльцо, зажигаю свет, выключатель по правую руку всполохнул яркую уличную лампу-фонарь над дверью. Нашёл ключ в портмоне, сунул в скважину, открыл, во-

шёл... Внутри остро чувствовалось, что не приезжают. Дом стоял голодный и обезумевший от покинутости. Дверь бросил открытую, проветрить, впустить воздух и жизнь. Снова выключатель справа от двери, зажигаю свет в холле. Так я тут и оказался.

*

Голос, так похожий на тот, чьи сигналы я улавливал на пути к дому. И по чьей указке я нашёл письмо, которое теперь лежало скомканным в моём кармане. Этот голос сказал «Найди». Я жадно сунул в рот сосиску и кусочек хлеба, огурец, лист салата. Спонтанно рванул спуститься в подвал. Не зря сегодня вспоминался погреб. Спустился. Холодно. Стоял и думал, состояния было опустошённым, после сильного нервного возбуждения пришло внезапное равнодушие, оцепенение, отсутствовали мысли. Слышу стук. Кто-то пришёл? Не похоже. Стучат во входную дверь. Она же открыта! Могли же просто войти. Чужой дом, заходи кто хочешь, бери что хочешь! Стук шёл будто бы из-за стены подвала. За стеной ничего не было, нечего осматривать. Поэтому я просто поднялся обратно в холл. Тишина. Взял фонарь и решил начать наново, с крыши, с мансарды. Ну какая мансарда? Обычный чердак. Но мне нравилось думать, что это мансарда, так называется, красивое певучее слово, рождённое богемой и роскошью. Я всё детство мечтал там ночевать. Мне нравилось залезть как можно выше, было мечта жить на дереве, но до домика в кроне деревьев, как я видел в кино, мы так и не

дошли. Я лазал на чердак часто, меня оттуда гоняли даже соседи, всем казалось, что я сорвусь, но я чувствовал себя там как в гнезде, птицей, нашедшей дом и не желающей своё место покидать.

Выдвижная чердачная лестница, современная, её сюда установил я, потому что старенькая, та, деревянная давно сгнила. Эту я купил в строительном супермаркете, привёз, прикрутил, за неё нужно было потянуть и она раскладывалась гармошкой, выезжала под ноги плавно, красиво. Боковины были спроектированы так, что они же и были перилами. Я обожал эту лестницу. Гордился, что сам её нашёл, выбрал, всё сделал сам. Что было чудом само по себе. Руки же у меня росли вы можете догадаться, откуда, я вам намекаю. Ладно. Лезу наверх. Фонарь. Открываю из маленького холла второго этажа лаз наверх. Слышу звук, возня. Не пугает! Это крысы. К сожалению. С тех пор, как все покинули дом, здесь не стало ни псов, ни котов, ни людей. Пришли крысы. Остались, хотя есть здесь было нечего. Они облюбовали чердак, первый этаж и подвал. Второго этажа избегали, не слышно их там, не видно. Послушал минутку крысиную возню. Поднялся, дотянулся прямо с лестницы до потолка, потянул за верёвочку и зажёл свет. «Лампочка Ильича» на проводе в чёрном, заляпанном белой краской патроне болталась там, где скосы крыши соединялись. Это выглядело так романтично! Вокруг всё в пыли, это просто ужасно! Чихнул. Осветил всё вокруг. В углу увидел матрас старый-престарый, с другой

стороны резиновая надувная лодка. Стало больно, внутренняя боль согнула и почти уронила меня вниз. Ещё чуть-чуть и я был бы там. Память. Всё ещё помню. Трудно смотреть на то, что меня связывает с семьёй. Лодка – память о дедушке, о папе. Когда приезжал отец – на ней выходили они со спиннингами рекой.

Отвернулся прочь вместе с фонарём. И тут увидел её, ту коробку. Полез посмотреть, что там. Она была старой, в такой папа хранил киноплёнку. Серо-коричневый цвет бортов корабля, судна, в котором в дальнем плавании во времени находилось содержимое. На бортах нашего судна – бурые пятна. Приоткрыл, свечу фонариком. Вижу верёвку из пеньки, жёсткую и тонкую, небольшой кусок. Верёвка тоже в бурых пятнах, испачкана была во что-то давно. И ворох конвертов их разных времён, белых, серых, жёлтых и нежно-молочного цвета. Письма. Бумаги, сложные листочки в несколько раз, обрывки фотографий и газет. Снял, понёс вниз. Осторожно спуститься по этой лестнице, узкой и шаткой. Всегда боялся лестниц. Они, конечно, не кусаются, но сбрасывают оземь. В детстве, прямо здесь, в этом доме, я грохнулся с лестницы у старой яблони. Точнее было бы сказать, я упал в тот раз вместе с лестницей. Забрался туда яблочек поесть, ага. Лестниц боюсь любых теперь.

Спускаюсь. Снова этот стук, скрип пола под ногами продолжился несколько дольше, чем я топтался. Помните старые полы из обычных досок, плохо подогнанных? Их красили

красной половой краской цвета кармина и сангины, я всегда удивлялся, почему именно в эти цвета. Вы если представите синие полы или бутылочного цвета, лиловые, поймёте. Тот же. Замираю. Делаю ещё один шаг, пол скрипнул теперь послушно ровно в такт, дверь покорно взвизгнула в унисон, когда я её трогаю едва. Наш дом всегда славился байками, которые мне сочиняла бабушка она ночь. После её безумных сказок я не спал ночами, порой до рассвета, мне чудились героини и явления из её таинственных рассказов, волки, заблудившиеся путники, шаровые молнии, грозы, дожди и бураны, вещие сны, святые и убийцы, страшные трагедии, в которых никто не виноват, и всё это вперемешку с кошками, собаками и козами, братьями и сёстрами, друзьями и соседями, сплетнями, родами и смертями. Дед тоже любитель был поболтать, когда выпьет, его не удержать. У него существовала своя мифология. Ужасы, привидения, проклятья, нападения, преследования, маньяки, демоны, потусторонние существа и коридоры между версиями реальности. У деда с бабушкой было негласное соревнование: кто больше запугает внуков. Думаю, из-за них у меня чердачок и тютю. Хотя. Может быть, это у нас семейный дар какой-то, видеть и знать того, что не существует, а порой и слышать, и осязать, и творить. Ну. На скучную жизнь я никогда не жаловался, вселенная любила удивить меня чем-то новеньким и сложным.

Сейчас предстояла сложная задача, тем более, я не знал, что делать. Стащил ящик в холл второго этажа. Снова услы-

шал стук.

*

Лежу ночью под стареньким бабушкиным стёганым одеялом, почти сплю. Здесь никого. Только я и голос. Когда я разобрал сегодня этот ящик, то не нашёл там ничего, что подсказала бы мне, как быть с этим детским письмом. Нашёл ещё письма, старые, какой-то семьи, не нашей. Верёвку, о которой уже было. Куски газеты, похоже, попали туда случайно, в них была завёрнута верёвка. Какая-то семья на газетном чёрно-белом фото, никого на снимке не узнал. Мужчина, женщина и ребёнок улыбались своим неприкрытым счастьем. Заголовок что-то там о трагической их гибели в собственном доме. На верёвке высохла кровь или что-то похожее. Почему-то стало нехорошо, когда смотрел – вспомнил страшные фильмы и сказки, повешенные кошки, удавки, брр, неприятно. Ощущения от этого предмета, от всего ящика было премерзкое и тревожное. Ящик явно был не наш и нашей семье не принадлежал. Откуда взялся? Чужеродное тело. Судно, что заплыло сюда издалека, из других мест и из другого мира. Я тогда не знал ещё, насколько угадал.

*

Утром я готовлю себя кофе с молоком и сахаром. Сижу, болтаю ложкой и читаю письма. Голос в голове разбудил меня рано. Я совсем не смог выспаться, хотя вырубился вчера предательски быстро, вечер почему-то наступил как-то внезапно, неожиданно. Чувствовал, что спал пару часов всего,

глаза были красные, их жгло и они чесались, так бывает у меня, когда работаешь по двенадцать часов в день, а спишь по два. Кофе привык пить с ложкой в чашке, да, я знал, что это не по этикету и некрасиво, меня бабушка учила так не делать, другая бабушка, не эта. О той бабушке у меня воспоминаний осталось мало, мы там редко бывали, а когда я там оказывался – внимание больше уделял своим друзьям.

Кофе остывал, а я открывал конверты. Вчера я уснул под шуршание крыс, они что-то грызли в стенах и под полом, или где там принято считать, они обитают. Стуки тоже были, но вся эта возня с голосами и письмам меня так выбила из колеи, что мне было уже плевать. Дом всегда был буйным местом, что уж, не привыкать. Сейчас на меня смотрели кусочки бумаги из чьей-то жизни. Переписка людей, которых я не знал. Вот переписка мужчины и женщины, это пара. Она о любви, о скорой встрече, здесь они молоды, а в других письмах они уже старше, прошло лет десять, в те времена писали на бумаге, сейчас такого достояния и не найти.

И тут этот голос. Спустись в погреб. Немедленно. Сейчас. Можно я кофе допью? Конечно, я подорвался как ужаленный. Просто взлетел на стуле, я прямо услышал это шшш – как в мою кровь впрыснулся адреналин лошадиной дозой. Пулей слетел вниз. Погреб. Боже, как я туда не хочу. Полез, темно, свет не работает. Лампа перегорела или прохудился провод. Забыл фонарь, вернулся и осветил сначала лестницу. Вот где лестница не менялась лет сто, и это не преувече-

личение. Старые гнилые ступеньки древней драбыны, как её называли бабушка и дедушка. Ноги соскальзывают, всё в плесени, беловатый грибок. Мерзко трогать скользкие и липкие поверхности. Драбына, рама входа в погреб, обрамляющая квадратную дырку в полу подвала, всё это воняло землёй, скользило, прилипало и дышало ледяным духом чего-то пугающего, страшного. Я боялся соскользнуть и переломать все кости. Меня тут никто не найдёт. Мобильный тут не берёт, да и забыл я его на кухне. Каждый раз в своей жизни, когда я лезу сюда – вот в этот момент, когда половина меня находится внизу в темноте, а половина ещё цепляется за раму, каждый раз до того, как полностью занырнуть, я думаю: «Зачем я туда лезу? Больше никогда! Ни ко гда!» Что я здесь делаю? Поскользнулся на последней ступеньке, больше потому, что так разволновался. Отвлёкся на свои мысли и тревоги. Подвернул немного ногу. Ну вот, я так и думал! Осветил фонарём пространство. Оно было маленьким, тесным, похожим по размеру на могилу, какой её роют на кладбищах, когда вы им несёте какого-то родственника. Лестница упиралась в земляной пол, утопанный и сухой. Влаги было везде, кроме пола. Со всех стен смотрели деревянные чёрные полки, больше пустые, стояли банки, часть из них изнутри была покрыта серой мглой. Увидел керосиновую лампу, такую, что с ручкой и плетением на стекле. А вот зажигалку я взял, ура! Таскаю её с собой с тех пор, как бросил курить. Себе объяснял, что для хозяйственных целей. Она ни разу для

хозяйства и не пригодилась. Но вот теперь оказалась нужна. Попробую зажечь эту керосинку, о чудо, она горит! Свет от неё имеет особенный оттенок, вынимает из тьмы рельеф, как ничто, ни один фонарь не придаст такую чёткость и красоту рисунку светом. В углу будто что-то булькнуло или раздался шорох, я не понял, что, звука как бы не было, но я его услышал, больше почувствовал его кожей, как ощущают звуковую волну. Обернулся туда. Там стояла проржавевшая затанутая паутиной железная бочка.

*

Бочка была накрыта крышкой, сбитой из полусгнивших досок, с поперечными планками. Ручки не было, я отодвинул крышку. Внутри было что-то чёрное и вязкое, похожее на смолу или кисель. Засунь руку туда. Засунь руку. Гул в голове, обозначающий слова, облечённый в головную боль, толкал меня вперёд и был настойчив. Я поморщился. Наклонился, закатал рукав и сунул руку внутрь. Фу! Вязкая жижа мерзко воняла, как на бойне на мясокомбинате, где я бывал часто в детстве, здесь недалеко заброшенное здание бойни, оно не работает уже 20 лет. Рука ухватила что-то твёрдое и я потянул. Это оказалась кость и чёрный ботинок на ней, с полусгнившим шнурком. Я бросил обратно эту гадость и побежал вверх. Побежал это слишком, дважды я поскользнулся на лестнице. Рука, скользкая от трупника, соскальзывала, жижа капала на ступеньки. Я бежал внутри себя, как заяц через лес, моё нутро скакало то ужасом через всю тьму, вспыш-

кой в ней, то рвался выпрыгнуть из тела прочь от кошмаров. Их мой лихорадочный мозг писал в моём воображении сейчас отчаянно и хаотично. Подтянулся на руках на раме погребца, опасаясь свалиться в эту гадкую темноту, выдернул ноги, лёг на пол и начал дышать. Так. Что это было. Трупник. Может быть, это кости животных? А обувь? Это месиво вполне могло быть когда-то человеческим. Память подсказывала, что в бочке плавали ещё детские сандалики, всё это я не успел осознать внизу, но память моя услужливо поставила материал. За мной никто не гонится. Что дальше? Впервые я задаю голосу вопрос. Тишина. Он не отвечает. Я лежу, дышу, отхожу. Поднимайся и иди. Я уж решил, что снова одинок в своём трясущемся от страха теле. Голос не имеет интонаций. Однако в нём что-то такое, механически-живое, что заставило вслушиваться и ждать приказов, советов, указаний, подчиняться. Я сел. Подтянул ноги. Заглянул. Темно. Керосинку я не гасил. Так почему темно? Ладно. Пора уходить. Хочу вымыться. В висках стучит, перед глазами янтарные сполохи. Страх, стресс, адреналин. Меня недюжинно напугало! Давно я так не боялся. Поднимаюсь наверх, сначала в холодный сухой подвал, оттуда дальше небольшая лестничка к первому этажу, в холл, нормальная, человеческая. С удобными ступеньками и перилами. Открываю дверь и...

*

– Мама! Мама! – малыш лет пяти пробежал по коридору перед моим носом. За ним прошёл молодой тридцатилет-

ний парень. Ещё зелёный – подумал я. Из кухни был слышен шум воды, наверное, мыли посуду. Там его мама. Уходи. Уходи. Вернись, – сказал голос. Да пошёл ты знаешь куда? Я вышел в коридор и не узнал дом, он был совсем другим. Рядом с выходом из подвала дверная ручка, белая красивая дверь. Толкнул, попал наружу. Вымыл руки из дворовой колонки. Умылся. Присел на корточки и задумался. Так. Приехали. Куда я попал? Когда я всё пропустил? Сошёл с ума и не заметил! Может быть, это сон? Как ответ на мои сомнения и страхи – голос и смех ребёнка в доме, потом голоса его родителей. Совпадает. Вот ребёнок, это он написал записку, может быть. Вот его родители и они живы.

Может быть, я сместился куда-то во времени или пространстве? Фантастический фильм. Можно предположить. Мне вдруг стало всё равно. Я с облегчением решил, что двинулся, свихнулся, спятил, сбрендил, рухнул, повредился или помешался. Всё это мне прямо сейчас снится, ничего на самом деле не происходит и я вижу плотненькие добротные галлюцинации. Видения, фантомы, миражи. Бум. Приехали. Уходи. Тот голос – самое реальное, что сейчас было здесь для меня. Я уцепился за него, как за своё спасение. Он настоящий.

*

Мальчик открыл дверь, увидел открытый кран колонки, выбежал и закрутил его. Вода, которую я бросил течь, перестала. Малыш оказался старше, чем мне показалось внача-

ле. Серебристо-русовая отросшая за лето витая шевелюра сияла на солнце, мерещился нимб над его милой головкой. В этом юном человеке было чудесно много света, который он излучал каждым своим движением. Мальчишка развернулся и побежал обратно, и шестым чувством я понял точно: вот он, автор моего письма. Вблизи парнишка показался старше. Лет семь-восемь, взгляд полон ветра и осмыслен. Не так, как обычно у детей. Всё вокруг него сияет. Малыши смотрят любознательно, чутко, проникают, а здесь я увидел взгляд постороннего, казалось, что его душа не была местной, земной. Она жила воспоминаниями о другой стороне, о космических далях, о своём доме, откуда она родом, о незнакомых мне явлениях, ощущениях и картинах.

*

Я подождал, пока они позавтракали и ушли наверх, по обрывкам разговоров понял, что семья сегодня куда-то едет. Обхожу дом вокруг. Красивое и простое белое строение в три этажа ничем не напоминает дом мой бабушки. Во дворе зеленел свеженький и ухоженный газон, сад причёсан заботливо, внимательно. Возле въезда во двор почти сразу за воротами стоял аккуратный маленький флигель, беленный, как в старину, с деревянной кровлей и окрашенным низом у земли в тёмно-бутылочный. Вокруг флигеля росли жёлтые и рыже-коричневые чернобрывцы. Дух во дворе другой, я через забор и за ворота. Внизу текла моя речка, моя! Та же самая, что и у дома, где я был час назад.

Вернулся и задумал войти в чужой дом через гараж, гаражные ворота были открыты, семья собиралась в дорогу. Прислушался и уловил такие же шорохи и стук, что были и у меня в доме. Толкнул двери, ведущие из гаража в дом. Не поддалось. Толкнул посильнее, ещё сильнее и ещё. Я толкал и толкал, ничего не получалось. В момент, когда меня затопило отчаяние, рванул ветер, где-то очень далеко залаяли, завыли псы, их голоса смешались с криком порыва ветра, двери поддались и я оказался неожиданно у себя на кухне, в холле, выпав туда из подвального выхода.

Прежде, чем свалиться лицом в старый палас, я завис над полом на пол секунды. Это хватило. Я успел вытянуть вперёд руки, после чего грохнулся. На дворе стояла ночь, в комнате тоже было темно, из окон в холл попадало совсем мало света от серого ночного неба. Я снова сажусь, снова поджимаю ноги. Сижу так долго, переживаю случившееся. Весь перепачкан грязью, слизью, плесенью, пылью и содержимым трупника, я дрожу. Трясёт. Начинаясь серьезная паника внутри меня, и я не самом деле не знал, что делать. Закружилась голов и я лёг, закрыл глаза и вдруг уснул, ненадолго. Просыпаюсь от того, что снова в стенах что-то скребётся, стучит и, как мне кажется, даже топает. Я лежу в серой мгле, в неоконченных сумерках комнаты и молчу. Слушаю своё дыхание, прихожу в себя. Попытался встать и тут понял, что моё тело парит в воздухе недалеко от пола. Нежно и бережно, аккуратно нечто подняло меня в воздух. До пола было рукой

подать. Я потрогал пол. Ничего не произошло, я продолжал парить.

*

Когда я раньше попадал в неприятные ситуации, у меня против них в запасе было волшебное средство. Я закрывал глаза и засыпал. Впервые оно не мне помогло. Я попытался пошевелиться в своей воздушной подушке. Дотрагиваюсь до земли рукой и ногой и аккуратно медленно встаю. Это было так, как если бы я встал с гамака. Прошёлся по холлу, зашёл умыться в нашу ванную, а когда вышел, из окон бил свет уходящего солнца. Я устремляюсь к двери и попадаю в свой собственный двор. Здесь было знакомым всё и это оказалось сейчас целебным. Запущенный дикий сад, в углу двора собачья будка из битого рыжего глиняного кирпича, пса давно нет, он зарыт за малинником, зато двое котов, переплетая хвосты, прохаживаются в саду под деревьями. У крыльца, скрипучего, получившего от старости асимметрию, растут нежные анютины глазки лимонно-жёлтого, пурпурного и густо фиолетового цветов. Их высадила моя тётка, она, как и я, приезжает сюда присмотреть за хозяйством и накормить и наших, и бродячих кошек. Когда-то здесь обо всём заботились и ухаживали умелые руки моих любимых близких, но те времена далеко позади. Я скучаю по дням, что помню! Дом не продан с тех пор, как опустел. Строение очень старое, в трещинах, расколоты окна, растрескались витражи, тесный погреб, куча пыли, выродившиеся плодовые деревья в саду и

ветхий дырявый низенький забор, выдававший окончательно степень упадка и запустения. Многого за этот дом и участок не ожидалось получить. Мне это семейное гнездо было жаль, хотя я всегда считал, что прошлое не вернуть, его надо отпускать. Сейчас я был исцелён, вдохновлён и одновременно пойман этим домом.

Что мне полагалось думать теперь? Что дом всех пожирает? Завелись какие-то интересные призраки, а ещё бесцеремонные и бестактные голоса в голове? Теперь в этом месте всех будет настигать безумие? Вспомнил неприятную историю, произошедшую в доме. О ней напрочь забыли ровно после того, как она завершилась. Через год после смерти бабушки тут поселились квартиранты, молодая семья. Через месяц муж начал пить, поколачивать жену и ребёнка, крыша съехала у обоих крайне быстро, оба супруга жаловались на шумы в стенах и под полом, бесконечно ссорились, а затем развелись и покинули дом. Такова была парадная версия. Но позже я узнал, что муж пропал сразу после того, как пришёл мириться к жене, прямо сюда, в этот дом. Никто не понял, куда они девались на самом деле. Моя тётя пришла в дом уже после того, как пара его освободила. Дом стоял пустой. По счетам уже давно было всё оплачено, ключ не возвращали. А дубликат тётя всегда привозила с собой.

Свежи в памяти были и некоторые мои личные жуткие воспоминания о прошлом. Какие-то из них преследовали меня год от года и только в последние месяцы терзания мо-

его мозга прекратились, воспоминания отступили.

Я побоялся сдавать дом в аренду снова. И я, и тётя по очереди приезжаем сюда. Каждый занимается своим делом. Тётя выращивает в саду кабачки и патиссоны для домашней консервации. А я помогаю ей с этим и чиню разное, гуляю в садах меланхолии и скучаю по родне, по светлым прошедшим эпизодам жизни, по своему, нашему с друзьями детству, по тому, как трагически оно у меня было разорвано энигматическим самоубийством деда. Как потом угасала бабушка. Прикасаясь мыслями к этим событиям и через них к былому, гуляю так в мечтах по времени и хандрю о своей неслучившейся жизни, которую я себе за детство вымечтал. Молчу том, какой она могла бы стать.

*

Малыш? Как ты там? Всё ли в порядке с твоими родителями? Я снова достал скомканный клочок бумаги. Рассмотрел этот почерк, буквы, которые ты старательно выводил. У тебя почерк девичий. Мне хотелось думать, что ты тот же мальчик, которого я видел. Сегодня? Вчера? Увижу ли я снова тебя, человек? Вокруг письма вилась тревога, физически осязаемая, зримая, а я заражался ею до пят. Понимал, что значит утратить близких страшным образом. Решаю погулять во дворе, проветрить голову, освободиться от паники. Прочь, страхи и переживания! Легко умиротворяюсь, моя психика адаптируется, это защитная реакция. Начинает казаться, что происходящее здесь совершенно нормально, а

всё, что я увидел, почти обыденно. Я устал, выключалась из-за перегрузки моя сигнальная система.

Подошёл к старому гамаку, надо ли говорить, что здесь всё было старым. Немодный, такие уже не делают. Современные модели целиком тканевые, шёлк, полиэстеровые, для тех, кто в тренде – хлопок с красивой этикеткой «Эко». А этот старичок, его сделал мой дед, сам. Тогда он подрабатывал: плёл из обычной верёвки сети и авоськи. Ячейки гамака получились у него чрезмерно крупные, мы всегда стелили старый брезент. А сверху стёганое ватное одеяло. По бокам гамака, чтоб натянуть, вставляются деревянные палки, толстые, сделанные как попало, небрежно отёсанные. Бечёвка овивала петлями и тянула его с двух сторон на абрикосовые деревья. Когда я по ночам лежал здесь и смотрел на луну и на реку, меня и одеяло засыпало листьями, и так я прикасался к ночной мировой тайне перехода лета в осень, к вселенскому круговороту. Всё выглядело таким вечным, таким незабываемым. В мире ничего не менялось, эта луна, эта река, эти деревья или просто хотя бы такие же точно существовали дольше, везде и почти вечно, по сравнению с жизнью любого из нас. И я плыл и был тоже вечным, вместе с этим местом, луной, рекой. Я растворяюсь в мировом порядке и это угомоняет любой мой страх. Наличие вечности и незабываемости утешает, как не утешит ни один психолог или успокоительное.

Повеяло влагой, я сел и увидел проблеск реки. Хор ля-

гушек тихонько и стройно заводится и поёт. Мелодичный и бурлящий, этот гул был обязательным, как и всё тут. Достал письмо.

Дорогой друг! Дорогая моя высшая сила! Милый Бог!!! Пожалуйста, если ты читаешь это, значит, ты существуешь. Мама и папа лежат в углу, вокруг всё красное...

С письмом в руке я снова задремал, проснулся от холода, привычно темнело. Гудели комары, не слишком рано ли для их отчаянных налётов? Но вот река, их дом. Из-за шаткой ограды послышался шорох, затем вой. Почувствовал, как невидимая шерсть поднимается дыбом. Вернись-ка я в дом.

...Когда меня заберут? Может быть, кто-то придёт? Мне очень хочется есть. Дорогая высшая сила, пожалуйста – пожалуйста – пожалуйста, приди и исправь всё, я очень тебя прошу! Пусть это всё исчезнет и этого никогда не будет!..

Поджарил яичницу на маленькой чугунной сковородке «в клеточку», дно было разлиновано железной клеткой, квадратики-гнёздышки. Она у нас для картошки, но другой не было, картофеля тоже нет, жарить что есть на чём есть. Ничего, сейчас подброшу туда лучка. Кусок белого хлеба в одной руке и потемневшая от горячего на кончиках вилка в другой. На тарелке с голубой каймой трещина и щербина. Чёрный чай с сахаром, очень сладкий, ложек шесть. Пью его, сёрбаю и никто сейчас не может сделать мне замечание. Уютно:

я один. Никого рядом, не чувствую людей, ни злых, ни хороших. И вместе с тем, переживаю чьё-то уверенное, устойчивое присутствие. Кто-то чужой. Кто-то. На улице послышался вой, я за фонарь, выбежал туда. Я из тех, кто не ходит, а носится. Когда лень ходить, я бегаю по любому поводу. И вот я вылетаю, а вижу только синюю чернь после яркого света в кухне. Фонарь бросает луч в сторону реки, вой оттуда. Мелькнула пара светящихся глаз, отразила свет. Животное ещё раз тягуче взвыло, дёрнуло кустами и шумно убежало.

*

Вернулся и открыл дверь, попал в другой дом. Чужой. Дом мальчишки из письма. Дом пустовал. Было темно. Мебель была накрыта тряпками и чехлами, покрывалами. Заметно, что дом пустует уже какое-то время, хотя мебель и многие вещи были на месте. Фонарь был в руке и я включил его. Поставил на самый тёмный режим. Я понял, что тут никто не живёт, запах пыли и чехлы обо всём говорили. Дом опустел, но его не продали, как и наш. Я боялся, что меня увидят с улицы. Вдруг кто-то есть во флигеле. Флигель, решил начать с него. Выхожу во двор, тушу фонарь. Воздух веет тёплым, теплее, чем на было моей стороне. Здесь позднее лето, такое, как и у меня, слаще и теплее, темнее, гуще. Я сделал несколько шагов к домику в конце участка у ворот и взмыл в воздух. Меня немного замутило. С непривычки. Похоже на перегрузку в скоростных лифтах, которые ставят в дорогих офисных зданиях. Мне там всегда было не по себе. Я нахо-

дился над землёй и ничего не ощущал, не было опоры, из-за этого почувствовал головокружение, неприятно. Набрал в лёгкие воздух, выдыхаю, плавно плыву и вместе с выдохом опускаюсь на землю. Захватывающе. Следующие шаги я сделал аккуратно.

Дверь во флигелёк отворилась со скрипом, громко крикнула, взвизгнула, её давно не чинили и не смазывали. Дерево повело от сырости, петли ржавые заныли, как артритные суставы у столетней старушки. Открыл дверь – пахло погребом, тот же запах, что и из потревоженного мной трупника в бочке. Захожу. Морозит. Потираю руки, плечи. Узкий коридорчик, почему-то валит пар изо рта, протискиваюсь дальше и оказываюсь уже в собственном погребе с этой бочкой, трупником. Бочка на месте, в углу. У потолка погреба горит, мигает лампа. Обернулся, но прохода, через который я сюда попал из флигеля, нет. После раздумий беру с собой керосинку и осторожно начинаю подниматься вверх. Стараюсь изо всех сил остаться хладнокровным, когда чувствую под ногами знакомую пустоту и парение. Теперь я был осторожен, не паниковал и не дёргался. Просто выжидал, когда меня вынесет вместе с лампой в руках из погреба прямо в верхний подвал. Чувствовал себя привидением, как плыл по воздуху. Немного шевелюсь и оказываюсь на краю лаза в погреб. Успеваю сбалансировать, чтоб не рухнуть и не уронить лампу. Я подготовился: поставил лампу на пол возле лаза, на дистанции, в стороне, чтобы случайно её не зацепить, на слу-

чай спонтанных перемещений. Положил рядом с лампой зажигалку, на маленькую полочку у пола. В подвале стены тоже были полны полок, здесь были инструмент, банки с краской, старый спортивный инвентарь. Прислонённый к полкам, стоял разобранный бильярдный стол. Вспомнились мечты родителей сделать бильярдную, как они заказали этот стол за трудные для нас тогда деньги. А теперь стол грязен, в пыли. Пребывает тут, полотно рвано, а тем мечтам не суждено было исполниться никогда.

*

Ночевать на первом этаже мне было теперь неудобно, собрал свои вещи, закрыл машину во дворе. Прошёлся. Скрипнула ветка старой груши, чудесные груши-лимонки поспели и валялись везде. Надо собрать, ведь сгниют только зря. Пошёл под дерево, оно укрывало сверху ветвями, как большой лапой сильный и верный зверь. Крона будто отгораживала от неба, а заодно и от двора, хотя до земли ветви не опускались, лиственный навес стелился только сверху, создавая крышу. Ближе к стволу дерева, под навесом, висела качель. Верёвка новая, белая, с узлами, с помощью которых её укоротили, чтобы не разрезать. Ветра не было, но качелька качалась, пусть едва, но достаточно, чтоб заметить. Иди домой. Вот и голос дал о себе знать. Я уже и забыл о нём. Без него было легко, свободно, пусто. Но теперь всё вставало на свои места – на свои новые места. Дело было в нём. Я трогаю верёвку. Издали она померещилась очень свежей,

а вблизи вдруг оказалась грязно-серой, изношенной, пересохшей, гнилой. Пластиковый стульчик качельки тоже грязнен, исцарапан. Сколько дождей сошло на него, сколько пыли осело и листьев упало. Здесь лежал снег, дули ветры, разгрызали этот пластик морозы. Я осветил качель фонарём. Вылинявший красный. На сидении лежало яблоко. Под грушей – яблоко! А яблоня была метров за сто. Пожал плечами и взял его. Вспомнил, как оставлял яблоки ночным жителям, существам, которых я сам придумывал. Вместе с другими детьми мы мечтали дать имена, назвать их вид, долго гадали, а ничего не приживалось. Я сам сочинил, что ночных жителей стоит кормить чем-то своим самым любимым, особенно вкусным. Яблоки были моей козырной едой летом, у бабушки их было навалом. Мой выбор падал на красные летние сорта. Этот плод был белым с розовинкой, будто раскрашен красными штришками густо-густо. Иду к яблоне. Там на ветвях висят мелкие, сморщенные терпкие яблочки, результат вырождения дерева, слишком уж оно старое. Такими яблоками, что лежало у меня в руке, эта яблонька давно не плодоносила. Итого, яблоко из моего детства перекочёвывает в дом, я прихватил его вместе с вещами на второй этаж.

Наверху была своя маленькая кухня, оборудовать её там настоял давным-давно мой отец. Папа не любил спускаться и подниматься ежевечерне стократ, а вот поесть он ночами весьма любил. Кухню он создал, конечно, под себя, а я в него, я без ужина не засыпаю, часто зачитываюсь до утра и ношусь

на кухню за кусочком сытости. Нет, теперь не до книжек! Кладу на столик у кровати яблоко, зайцем проникшее сюда. Выбрал одну из нескольких спален. Второй этаж из них и состоял. Здесь ночевали гости, друзья семьи и родственники. Одна из светёлок меньше двух других, чтобы уместился на этаже и душ, а на месте четвёртой спальни – кухня.

Я сунул пакет с едой в холодильник, вынув оттуда хлеб, который оставил в пакете на столе. Снял с себя вещи и нырнул под душ. Стоял долго, вода отключала мысли, отключала чувства, включала воспоминания без всякого анализ, без суждений, без смущений, страхов и беспокойства. Хотелось выкупаться в реке, отдаться большой воде, пообещал себе завтра сходить. На этой стороне или на той, всё равно, там тоже была река, я это высмотрел из их двора. Если я теперь попадаю в чужой дом неизвестно как, то пусть. Если это безумие, я тоже на такое согласен. Скоро я отсюда уеду и мне теперь будет что вспомнить, будет что рассказать психиатру, может быть, мне пропишут долгожданные успокоительные, рецепт на которые я всё никак не могу выклянчить у врача. Давно, с детства – бессонница. Кошмары. Порой их неделями нет. А когда начинается их черед, они не останавливаются, пока полностью не обесточат и не вымотают меня. Прекратятся, только если окончательно выпьют. Доктор говорит, что мне стоит попробовать научиться справляться самому. А я давно не вижу выхода из этой ночной ловушки.

Долго не могу уснуть. Верчусь, настроения ловить интернет и читать нет. Нет настроения из-за увиденного недавно. Перед тем, как уснуть, беру в руки яблоко, долго верчу его, как игрушку, надкусил. Сочное, кисло-сладкое, каким и должно быть. Какими такие яблоки и были раньше у нас. Не те, что терпкие и горьковатые, вяжущие сейчас. Жую с хрустом. Яблочко утешило, сработало снотворным.

*

Утром открываю глаза на рассвете. Спал совсем не долго, но чувствую себя бодро. Да я будто помолодел! Потянулся и не учуял ни следа ставшей привычной за последние десять лет утомительной ломоты в теле. Никаких снов! Неужели из-за яблочка? Разум перенасытился удивительным накануне и сегодня отдохнул вместе со мной. Надеюсь, сегодня не подведёт. Я лежал, потягивался, нежился. Вертелся в клубке тепла под одеялом. Наслаждаюсь уютом дома всю подсторонний шум. Детский и взрослый голоса, и вой блендера. Стоп. Какие голоса? Откуда? Я тут один. Комната та же, где я уснул. Осмотрелся. Без неожиданностей в виде полётов встаю, одеваю резиновые шлёпанцы-вьетнамки. Их любил таскать на себе именно здесь, в этом доме. Иду в коридор. Шум гудит и стихает. Я замер. Стою на лестнице, держусь за перила. Только я расслабился, снова завыл блендер. Это внизу. Бегу вниз. Тишина, воробьи и синицы перекликаются во дворе. Пересекаю площадку между первым и вторым этажом, как водораздел. Высовываю голову во двор. Ко-

тов не видать, завтракать не пришли, что странно для таких обжор и попрошаек.

Сделал крепкий кофе, без сахара и молока. Не эспрессо, конечно, для этого нужна кофе-машина, но в чашке залить тоже пойдёт, лишь бы были зёрна хорошие. Аромат напитка уже сам по себе внушает хорошее настроение. Я решил взяться за дела и починить что-то на другой стороне. Почему бы и нет? Помню, я заприметил там, у них, покосившуюся дверь флигеля. Вспомнил про свой ящик с инструментом, дедушкин ещё, деревянный самодел с ручкой, набит молотками, плоскогубцами, гвоздодёрами, по дну россыпью пригоршня гвоздей разной величины. Всё по-старинке, никаких шурупов с шуруповёртами, никаких степлеров. Всё вручную и на ржавых гвоздях толщиной с палец. Нужно пояснить, что я мастер по ремонту так себе. Могу что-то приколотить, чтобы окончательно не оторвалось и не грохнуло по голове. Или уже окончательно доломать, утилизировать. Дому всё равно. Больше некому тут всё чинить. А моя тётя по-старинке полагает, что каждый мужчина с рождения способен к вождению авто, ремонтам и рубке дров. Суровая мужская работа, будь она неладна. Тётушка свято верит в меня и мои способности, закрывает глаза на мои косяки. А я в ответ подыгрываю ей, что её маринованные патиссоны ужас как вкусны. Всем так дешевле.

Люблю сладкий, ароматный кофе со сливками или молоком, в большой чашке, с ванилином и шоколадом, каппу-

чино или латте. Но иногда нужен простой удар кофеином в башку, как в этот раз. Махом проглотил всё, что было в чашечке, поморщился. Горький. Гадость этот ваш кофе, когда он не сладкий!

Взял инструмент и решил походить по дому. Туда-сюда, попробую, может, выбросит к моим новым «соседям». Я уловил, как это работает. Я всегда фантазировал о такой возможности, отправиться на другую сторону. Оно сработало! Почему бы не сработать? Я вынырнул на третьем этаже, в маленькой спальне, рядом с детской, чья это комната, можно было только гадать. Родители мальчишки планировали ещё одного ребёнка? У мальчишки есть брат или сестра? Гостит ребёнок родственника? Соседняя детская пустовала, в доме тишина. Уехали. Хорошо, я могу походить и поискать, сам не ведаю, что. В детской лежала тетрадь, я поставил инструмент на пол и открыл. Чистые листы разочаровывали своей незаполненностью, вот, нашёл, где был вырван лист. Край письма в точности совпадает с оборванной кромкой бумаги внутри. Я вынул письмо, расправил, приставил. Подходит. Оно! Похоже, что ничего из написанного мальчиком на листочке ещё не успело случиться. Везде процветал тот самый неиссякаемый житейский хаос. Там и сям небрежно и легкомысленно валялись вещи так, как если бы хозяева отлучились совсем ненадолго. Но листа, на котором были прописаны роковые строки, уже не было на месте в тетради. Факт.

Их дом был роскошно светлым. Будто акварельная бума-

га в махонький изысканный пыльно-розовый цветок, обои здесь во всех комнатах третьего этажа. Вот одна стена выкрашена в тёмный изумрудно-зелёный, в другой комнате ещё стена цвета бургунда и рубина. Это было стильно, со вкусом, пахло свежими красками, клеем. Отделке было явно около года, если верить ароматам текстиля, клея, акрила, а ещё блеску и свежести оттенков стен, потолка и дверей. Молочно-кремовые двери и дверные рамы, ониксово-чёрные металлические витые ручки и в подобных цветах пластиковые рамы окон. Какой интересный у этой семьи вкус! Я окунулся в восхищение и созерцал, выпитывал. Если бы мне выпала возможность за скромный бюджет самому сделать дизайн своего дома, он был бы именно таким. Точно таким. Эклектика, смесь милого мещанства и дизайнерского снобизма. Удивительно. Полы тускло-серые, с зеленцой. Обычный ламинат. Дёшево. И как дорого! Я бы здесь жил. Я бы жил именно здесь. Я влюбился.

Забираю тетрадь, открываю дверь и снова дома. Наше жилище будто было изнанкой тех хором. Дома были настолько разные, насколько и дополняли друг друга. Инь стремится янь через тонкую плёнку волшебства, разделившую миры. Я держу в руках тетрадь, комкаю её и понимаю, что забыл там инструмент. Через пол и стены моего дома прокатилась дрожь. Как если бы где-то внизу на глубине проносился бы поезд метро или вдалеке бы рвали карьер. Землетрясение? Похоже, что миры начинали перемешиваться. Я при-

сел на край кровати в одной из спален второго этажа. Сверху, с потолка сыпалась пыль. На улице что-то выло, не по-собачьи, а низко, гулко, утробно, угрожающе, так, что я почувствовал: колет кожу иглами. В нём, в том вое было какое-то предупреждение. Он не был бессмысленным, он не был на слух, как собачий. Он был таков, как будто кто-то говорил со мной. Дул в трубы, посылал мне сигнал. Звук звериного горна несётся через стволы и кроны деревьев, через кусты, через клеть бурелома. Перепрыгивает через овраг и попадает в цель, в нервную систему земли, подвала, чердака, труб, стен. Под мою кожу, ко мне в нервы. Вставай. Голос был как и вой, давящий, тревожащий, будоражащий, он предупреждал. Я чуял нехорошую необъяснимую неотвратимость, безуспешность грядущее остановить. Тетрадь была отправлена под рубашку во внутренний карман. Джинсы, клетчатая байковая красная рубашка, белая футболка, всё в пыли двух домов. Встал, переобулся. Чую бег крыс где-то над потолком, на чердаке. Котов бы поискать! Спускаюсь вниз.

*

Кот проник в холл через окно. Второго кота пока не наблюдалось. Ну надо же. Обычно они гуляют вдвоём. Я покормил Рыжуна. Серый и Рыжун, оба кота были серого с чёрными полосками окраса, белыми «воротничками». У Рыжуна была белой переносица. А Рыжун потому, что хотелось рыжего кота. Пусть будет рыжим имя. Братья, не разлей вода. А сейчас из двоих только один. Нелепая догадка закралась в

голову, что Серый пролез на другую сторону и он сейчас там. Мог пройти туда вместе со мной. А может быть, они и сами туда-сюда ходят. Дом снова трянуло. Вижу на столе чашку, дымится чай с малиной, аромат перетёртой с сахаром свежей ягоды. Белая глянцевая керамика, красивый пастельно-цветный единорог наклеен сбоку. Ручная работа. Аккуратная. Авторский проект. Наверняка в одном экземпляре. Поковырял внутри своей ложечкой. Беру чашку, досыпаю сахару, размешиваю и иду к гамаку. Птицы поют оголтело, орут. Будто пытаются прокричать дыру в воздухе. Сел на гамак, раскачиваюсь. Чай дымится, дую, пью, громко сёрбаю и проливаю розовое ароматное лакомство на футболку. Вкусный!

На гараже блики солнца через крону, красивая светотеневая рябь. Меня с раннего детства завораживала игра света и тени древесной листвы. Я снимал бликовые панно на папин старенький Zenit, потом на любимый плёночный Пентакс, а потом были мыльницы, цифровики, даже плёнка средний формат ненадолго. Телефон! Снимал ещё Нокией 5810, самое сложное было вытащить оттуда фото, потом возникли смартфоны, беззеркалки. Лечебная светотень возвращала меня к жизни, собирала из серых пятен моей расплывающейся души искру, которая успевала тлеть ещё какое-то время до следующей спонтанной спасительной фотосъёмки. И сейчас оно меня собрало. Полулёжа я наблюдал, как внутренняя мозаика, перекручиваясь, складывала разные узоры, одинаково красивые и причудливые, лепилась из событий,

ожиданий, из прошлого. Из будущего, настоящего, из несуществующего параллельного. Обнимая чашку, я парил в гамаке. Плыл в воздухе, имея ковёр-самолёт из веревок, брезента и одеяла. Новый для меня вкус печали вытек из щелей моей потрескавшейся души, печаль-предчувствие, мне было свойственно предупреждать события эмоциями, а не наоборот, как у всех. Предвестники. Так я называл их. Предвестники – преждевременные схватки у беременной женщины. И я часто доременно проживал предстоящее с его волнами движений и чувств, и с полным отсутствием фактов. Волны упреждения, предвестники были теми схватками, что настраивали меня сразиться с грядущим, с демонами предстоящей боли, страха, поражения. Готовили они так, что вначале ломали меня, а после собирали в нужную форму.

*

Ласково руки воздуха, принимая форму ветра, касаются моего лица, рассыпают сверху листья, осень скоро. Кот забрался мне на живот, я опять задремал. Проснулся, рука сжимала единорога за ручку, чай был допит, оставался один холодный, ледяной глоток, пара мошек плавало у дна. Этот глоток вернул меня в реальность, какой она распласталась между солнцем, желтизной увядания листьев и цветов, стенами, оградой, рекой, садом и лесом. Я не хотел вставать. Вязкие сны тянули меня обратно – улечься, поджать колени, обнять одеяло, оставаться недвижимым, в покое. В такие дни осень уверенно наступает каждый день, каждый час, заметно

меняются вид, состояние, воздух, запах, мысли, длина теней и то, что хочется в оставшееся световое время делать. Холодало. Я начал подниматься, качнулся гамак и я полетел кувырком в траву, но не приложился, а взлетел ввысь, мазнув лицом по дикой зелени, подорожнику и белой «кашке». Галиум верум вездесущий застрял у меня и между пальцами, остался в руках, ухвативших что смогли.

В этот раз так легко не обошлось. Меня больно крутануло в воздухе, как штопором открывали бутылку, чуть не переломало кости, затрещали суставы, было ощущение, что сейчас вывернет с мясом, но вывернуло только меня прямо на траву. Упал я лицом прямо в свою блевотину, оттолкнулся руками. И вот меня поднимает и крутит снова. Я не паникую, нет, я просто жду, когда всё это закончится, обычно я пугаюсь именно так. Меня обернуло ещё пару раз, морская болезнь у меня всегда была и сейчас она проявила себя целиком на траву. Единорога крутило вместе со мной, рядом. Я его не держал, чашку раскрошило и черепки упали снегом в грязь, созданную мной. В голове гудел гонг, вместо голоса мне это понравилось меньше, я был готов на всё к концу соковыжималки. Меня резко поставило на ноги, я опрокинулся на них, как неваляшка. Была такая игрушка – Ванька-встанька, я застал только один экземпляр прямо вот здесь, в этом доме, на этой поляне. Бабушка показала мне его, грязного, а теперь это я, я тот Ванька Встанька. Ноги стали чугунно тяжёлыми, они вросли в землю, а за шею буд-

то кто-то потянул. Внутри пустота. Я покачался на ступнях некоторое время и устремился внутрь дома.

Попал прямо в дом к мальчишке. В тетрадке я прочитал, что его звали Бобби. Бобби. Странное имя для наших широт, я иду, Бобби. Где там у тебя ванная? Семья Бобби шумела наверху, я забежал и закрылся в ванной внизу. Мне было плевать на присутствие людей. Я ополоснул футболку прямо под краном и надел на себя мокрую. Рубашку почистил влажной рукой, ничего, пусть высохнет. Отряхиваю брюки, смотрю в зеркало и вижу синие круги вокруг глаз. Эй, ты кто? Ты ужасен! Прислушался под дверь, никого. Похоже, что все наверху. Я не боялся, что меня поймают, мне всё ещё казалось, что произошедшее не настоящее и этого на самом деле в реальной жизни не происходит. Приоткрыл, шагнул и тут же в сторону, в гараж. Очнулся уже в своём гараже. На полу. Это выглядело так, будто просыпаешься ото сна, резко, хлопком, испугавшись.

*

Пол бетонный, холодный. На улице снова воют. Жутко. И успокаивающе, снова, снова. Начал вставать и поджал ноги, понял, что штаны мокрые и тёплые. Не помнил, когда это случилось. Как в детстве, когда ночью просыпалась в мокрой постели, если дед бродил по дому со стонами. Нашупал выключатель осторожно и бережно. Нажал, тусклая «лампочка Ильича». Тут столько баракла валялось от деда и отца, сбросил свои джинсы, боже, я когда-то ими дорожил, радовал-

ся, когда купил. Плевать. Сбросил их, швырнул в кучу серого тряпья. Надел какие-то старые пыльные рабочие штаны, найденные в той же куче. Застегнул ремень. Готово. Щупаю тетрадку, она тёплая, хранит тепло нормального. Живого. Здесь, в неопределённой дроблёной неразберихе многое не казалась живым, нарисованное плохо и смазано, небрежно. Я сам превращаюсь в пустое. В хрупкую несчастную оболочку, которую начинают растаскивать на части неведомые слепые силы. А если я трогал тетрадь, мир вокруг наполнялся, насыщался светом, становился настоящим и живым. Я сам пропитывался теплом, желанием, дыханием, жизнью, мыслями. Смелостью видеть.

*

Меня утешала идея, что всё рано или поздно закончится. И хорошее, и плохое. Улавливаю этот правильный ритм и держусь этой мысли, как малыш мамочки. Хочу прекратить этот кошмар, но мне не кажется правильным сесть сейчас в авто и уехать. Я пытаюсь дозвониться психиатру, друзьям и близким. Гудки. Никто не берёт трубку. Легче дозвониться чертям в ад! Не знаю, куда я сам уеду, если меня раскрутит над землёй в пежо с работающим двигателем. Или если я пересеку линию ворот и влечу в стену домика Бобби всеми лошадиными силами. Что ж. Остаёмся. Я открыл тетрадь, уселся в кресло-качалку в холле, взял карандаш и замер. Почему-то решил, что если запишу свои воспоминания, мне станет лучше. Я писал под хруст крыс в других комна-

тах и блуждающие звуки чужого дома, которые то возникали, то исчезали, будто звуки радиостанций, если крутить ручку старой радиолы.

*

Если быть честным, я и не очень-то хотел сюда кого-то звать. Боюсь, что кто-то мне родной и близкий, любимый, придет меня спасти и попадет вместе со мной в эту ловушку. Не могу себе позволить даже мыслить про такое. Страшно, отчаянно страшно, безнадежно и безвыходно. Я понимал, что я один, полностью, и у меня есть лишь малыш Бобби, голос и воспоминания.

Когда я был совсем маленьким, однажды я застал деда за разговором с кем-то во дворе. Он стоял ближе к забору. Забор тогда ещё не был так безнадежно стар. Дедуля говорил и размахивал руками, кричал на невидимого собеседника. Воздух вокруг него замер и звенел, будто дедушка находился в коконе из застывшего воздушного света. Напротив, там, где должен был стоять невидимый собеседник, воздух плескало и колыхало, будто желе. Зенит дня сверкал жизнерадостным пейзажем, такое же, как нынче, лето. Яблони плодоносят, излучают аромат своих легендарных плодов. Ворчат пчёлы, а розы, согревшись в солнце, тонко ноют откровенным, немного навязчивым, неприлично сладким. Всё земное, насыщенное, безопасное. А у ворот дед, и я смотрел тогда и понимал, что мир хрупок, он пластичней, уязвимей, чем моё тело хочет знать. И если вот так стоять и разговари-

вать с никем, мир возьмёт вдруг и треснет. Разорвётся и раскатится бусами по окружности земного шарика, необратимо. А из чёрного чужого ничего вывалится чужое неизвестное.

Дед видел кого-то, кого не видел я и не хотел видеть, если быть честным до конца.

– Дедушка, с кем ты говорил? – я спросил его потом, держа крепко за рукав гладкой довоенных времён рубахи.

– Кое-кто приходил ко мне, они хотят меня забрать! А я им сказал: нате выкусите! Не получают они ничего и никого! Но мне тебя жаль, жаль тебя, внучок. Они и за тобой придут! Но потом, потом, когда я умру, умру и не увижу!..

Дальше деда понесло. Обычный пьяный неустойчивый бред больного параноика. А зря я не прислушался и не поверил, не проверил. Хотя сложно сказать, что бы я нашёл тогда.

Сейчас же вой раздавался всё громче, послышался удар в забор чего-то большого и мягкого, будто кто-то живой и большой налетел на ворота. Я продолжил писать.

Мы с дедом ходили вдоль железки, вдоль терриконов, вдоль заброшенных помещений мясокомбината, вдоль бойни, вдоль старых зданий хлебозавода. Мы ходили мимо подстанции, где паслись козы, принадлежащие ближайшему соседу, а он жил где-то в километрах четырёх отсюда. Козы забредали под самый трансформатор на подстанции, пощипать колючки. Мы гуляли вдоль. Подстанция гудела. Дед подме-

чал мелочи, невидные простому обывателю, приехавшему из города гуляке. Видел какие-то обрывки газет с шифрами и кодом. Книжки с тайными сообщениями. Он рассматривал знаки из рыбьих костей, кошачьих черепов, костей собак, неведомо чьих костей, что торчали из гулко-сивой земли. Останки живого и неживого постоянно говорили с ним. Мы забирались в своих прогулках очень далеко. Слишком далеко для меня. Бродили по заброшенкам, в недрах промышленных свалок, меж брошенным ржавым заводским оборудованием, техникой. Промежду их бурых и красно-оранжевых скелетов, меж останков свай, казарм и железных динозавров. Хуже всего время обходилось в зелёном цвете. На технике его почти не оставалось, он превращался во что-то серое, буро-коричневое, голубовато-сизое, гнойное. Что пугало мыслями о конечности бытия, смерти и разрушении. Голубой же цвет просто выцветал до иссиня-молочно-дымчатого. Красные и жёлтые цвета, смешиваясь с плодами окисления железа, рождали кровавые наросты и пятна, будто тяжёлый маньяк в приступе агрессивной страсти растерзал тела этих когда-то красивых и гордых механических зверей.

Однажды мы нашли рыбы головы. Две. Обычные. Кости были так обыденно страшны, что удивили меня и напугали своей голой мёртвой рыбьей простотой. Я вспоминаю это, как наяву, будто сейчас. Зажмуриваю глаза. Вспоминаю этот день. Железную дорогу и свалку. Головы и кусок газеты рядом. Как мы их нашли. Вспоминаю запах, голос деда, его ру-

ки. Его умение шагать между особыми слоями реальности, которые он называет в моих воспоминаниях вероятностями. Он мне показывает, как шагать по этим пластам бытия, как по обычным ступеням, будто по лестнице, словно по шпалам. По шпалам было проще всего. – Сейчас! – говорит он и мы делаем шаг. И тут же реальность начинает меняться плавно, не показывая этого откровенно, стесняясь и смущаясь в своей внезапной перемене. Изменение это едва заметно, однако тот, у кого глаза и уши, и видит, и слышит. Вот забор не на своём месте. Вот уже иной цвет ворот. Вот сместилась тропа, она проходит не там, где два часа назад. Видящим, шагающим такие изменения были понятны. Они как маркеры, показывали, что ты прибыл по месту назначения.

Я помнил тот случай с головами, это просто рыба, сказала бабушка тогда. Я помню и там, в своём воспоминании,жимаю в руке рыбы головы и открываю немедленно глаза. И вот они здесь, в моей руке! Те самые! Плетёное кресло-качалка издаёт скрип, будто кивает, соглашаясь со случившимся, подтверждает факт. Покачивает меня на своих волнах в тугом воздухе действительности, а тетрадь лежит на коленях, принимает в себя строки живой извивающейся памяти.

*

Поднялся, взлетаю в воздух. Кувыркает. Выпадаю в окно, бью стекло. Приземляюсь на лужайке у другого дома, с рыбьими головами в руке, которые тут же роняю в траву. Это не имело никакого смысла. Я не мог его уловить, потерял едва

пойманную нить. Слышу детский голос. Он не принадлежит мальчишке, похож тембр, но не то. Голос девочки. Интонации, оттенок. Я не могу ошибаться. Дом тот же, но милая девчушка, русоволосая, с выгоревшими прядями на лбу, выбегает, держит две рыбины в руке. – Рыбки! Рыбки! Пойду выпущу – голосит она, не замечает меня у крыльца, прыгает и несётся через двор к реке. Она минует ворота, вороны рубят криком воздух на клёнах у ворот. Подуло водой и очереетом.

Зажмурил глаза, под веками стало нестерпимо жечь. Вынырнул из вязкой паузы у себя в кровати, рано утром, на втором этаже. Частота смены кадров реальностей увеличивается. Я ничего не могу поделать.

Вставай и иди. Голос! Я обнимаю подушку, головная боль следует сразу за нежеланием подчиниться. Это снится. Это кошмар. Пусть всё будет результатом неудачной терапии, пусть окажется, что я сошёл с ума. Это порождает мой мозг, выжженный чередой панических атак. Пускай так. Ладно. Удар под живот бросает меня к потолку и роняет на пустую детскую кровать в другом доме.

**

Лежу. Сжимаю кулаками покрывало, голубое, простёганное, тонкое. Чувствую мягкую щекотку на руке. Кот. Повернул голове вправо, шея очень болит. Мимо кровати, где я валяюсь, идёт кот. Мой кот. Серый. – Сеерый! – улыбаюсь, нежность и тепло затапливает. Только понял, как я за него

переживал. Чувства настигают меня сильно позже, их понимание, осознание. Я заплакал. Всё отчаяние этого дня или дней, жалость к себе, страх за животное, за мальчишку, может быть, и за девчонку, накатили на меня и раздавили стенки ящика Пандоры, где хранилась вся моя сила, вся стойкость, все мои чувства и переживания. Потекло, я начал реветь и не мог остановиться. Слезы шли рекой, я не рыдал, лишь всхлипывал, лицом в луже.

*

Взял кота, потискал, пошёл во двор. Вышел и двинул к реке чужого дома. Прошёл на самый берег. Такая же река, как и моя. Как наша. Как река на моей родной стороне мира. Потрогал волны, тёплая вода. Всё такое же. Река возле моего дома узкая и скорая, но не настолько, чтобы её так просто было переплыть. Река была массивом, страной, водным рокотом. Она занимала гораздо больше пространства, чем сама поток воды. Река, властительница, захватчица, она одерживала победу, она принимала в себя. Давала себя вдохнуть, свою воду, свои берега, очереты. Она вселяла мудрость, переплавляла. Река переправляла в иные измерения. Стволы сосен, группки берёз. Шум, говорение ветвей. Ветер их гонец. Передаёт сообщение от кроны к кроне, как связной, их сеть, их интернет, их чат, их конференция. Они говорят и передают новости, плетут интриги, сети, они смотрят на меня, они меня обсуждают, они хотят меня утянуть в свою стаю, сделать частью себя. Утопить, уложить на дне или под зем-

лэй, выпить мой сок. Я втеку в их тела, я прекращу своё безумное бытие в их мирных жилах. Я буду лежать здесь, растворяться днями и неделями, а они будут медленно разбирать меня на соки и жидкости. . . . Но не сейчас, ещё не сейчас. Сейчас я хочу к воде. Она мне скажет, что делать. Я и раньше так обожал. Становился ногами в воду – и будто с меня снимали ношу. Которая, ноша, набиралась непонятно из чего быстро, много, тяжело. Встал. Вода обняла мои лодыжки. Охватила скользкими русалочьими холодными, гладкими, благородными, деликатными руками. Не уходи. Оставайся. Остайся тут. Голос из механического гудения невидимого, жестокого и неотвратимого часового механизма превратился в рокот. В шёпот реки, живой, настоящей, не придуманной, здоровой, древней. Глубокие и непонятные силы толкали массивы воды по всей планете, крутили эту кровеносную систему, несущую жизнь и отнимающую жизнь без всякого разбору. А может быть, она выбирала. Кого обнять навсегда.

Здесь и сейчас я осознал истину. Я почувствовал себя по-настоящему одиноким. Брошенным. Стремившимся к несуществующей свободе. Рвущим через сияние и черноту, как пылинка через рябь светотени. Мимо моих ног под водой проплывают рыбы головы, их качает водичкой, прозрачной, чисто-зеленоватой, они клюют меня в пятки, целуют, тыкаются, как слепые котята, от их ледяных прикосновений дрожь вдоль всего позвоночника.

Вода уносит прочь останки рыб, обволакивая, лаская меня. Проплывают водоросли, тина. Живые мальки тычутся мне в ноги, снуют, суетятся, будто веселятся. От них совсем другое чувство, как от детишек, окруживших и танцующих вокруг хоровод.

*

Отряхиваюсь и иду на берег, несущи ботинки в руке. Возвращаюсь и вижу, как во двор вкатывается синий шевроле, старый, проржавевший. Остановился, скрипнув. Открылась дверь водителя, вышел парень, живущий в этом доме. Тот же парень, но сильно моложе, стройнее, гладко выбрит. Открывает сзади дверь, подаёт руку. Выходит, выбирается, выползает осторожно его жена, пышная, длинноволосая, в ней не узнать ту стриженую худышку, какой я уже видал её изда- лека, в той, другой версии их семьи. В руках она держит малыша в голубых пелёнках. Мой малыш! Это он. А может это другое время в их жизни? Куда меня забросило? Дом ещё, пожалуй, до ремонта. Он, однако, всё так же бел. Кот выскользнул в лес, только и мелькнул хвостик. Ну что ж. Думаю, он не пропадёт и его не разорвёт над землёй. Страшно вспоминать, что случилось с единорожьей чашкой. Вот и ответ на вопрос, что происходит с пропавшими вещами! Мне было не смешно. Пока шёл, задумался. Накатили сумерки, от облака мигнуло тёмным, потом золотой луч и снова день, снова сумерки и будто кто-то замедлил киноплёнку. Я шёл в задумчивости, всё замечал периферией, переутомление ска-

зывалось сложностью концентрации. Поднимаю глаза и вижу своё крыльцо. Скорее, было так. Шёл, опустив взгляд, увидел свою бурую ступеньку, поднял глаза... и вот я стою перед своим крыльцом, таким ровным и таким обветшалым. Кракелюр голубой краски. Под ней остатки красной, рыжей, зелёной, а на подоконниках даже жёлтая проглядывает. Снизу сереет древесный остов, надёжный, он кажется вечным, хотя это не так. Видно, что дерево повидало: его мочили дожди, кусал мороз, жгло солнце и пересушивали ветра. Ветренное место у нас тут! А сегодня тихий день какой-то. Лёгкие вихри во дворе покручивают лисья, травинки, пыль и не более.

Я присел на крыльце, прикрыл глаза, оставил щелочку, чтобы видеть свет. Мимо бродили коты, пронеслась девчонка, запахи детей, воды, ароматы кухни – куркума и шафран, совсем не мой вкус. Эти блики другой реальности то проявлялись, то исчезали, отражались вокруг меня сполохами, врывались дуновениями ветра. Солнца не было видно, везде расплескивалась серо-сиреневая тень. Кто бы мог подумать, что в сумерках тень будет версией света. Серое перетекало в голубое, тусклый аквамарин в блеклую бирюзу. Солнце вспыхнуло девичье-розовым лучом напоследок. Будто поцеловало в щеку, в зрачки. Прошелестело обещаниями продолжения и отражённым от неба лиловым. Зашло.

*

Я нашёл фонарь и пошёл к реке. Пока свежо впечатление, мне захотелось увидеть и нашу реку. Чёрная вода с палевы-

ми бликами. Чёрные глаза и золотые зрачки. Привет, родная, здравствуй, подруга. Другой запах, пахло тиной, гнилью, где-то сопревала древесина, бревно качалось в воде. В темноте, в недрах неизвестности, слышались всплески. Некоторые были похожи на плеск весла, будто невидимый кто-то ночью наощупь перемещался через реку в лодке. Я готов был поклясться, что слышу лодочника, желающего остаться неопознанным. Странный Харон где-то там утюжил воду в поисках попутчиков. Ничего, мой друг. Скоро я приведу к тебе двоих. Догадка лихорадкой тронула мою мысль. Если родители мальчика, а в какой-то версии, может быть, родители девочки, умрут, то и круг разомкнётся. Написанное должно воплотиться. Я был благодарен реке и её ночным жителям за подсказку. Харон ждал. Где-то плавал ночной бог, пожиная мир и выплёскивая выловленное в прошлое. А здесь ничего не случалось, поэтому происходило всё по кругу, запутавшись в сети нор, соединивших прошлое и будущее, одну сторону и другую. Ценой было уничтоженное настоящее, рассыпающееся, постоянно соскальзывающее то в прошедшее, то в грядущее, то в какую-то иную версию себя. Хотелось прекратить. Вся моя натура хотела вернуть всё на место, вернуть привычное. Детство вспоминалось с огромной плотной навязчивостью. Я был в густом мороке, заворачивающем меня в дремоту, в сон. На миг я запутался, где река, где мой дом, потерял ориентацию в пространстве и во времени. Забыл, зачем пришёл сюда, что я должен сделать, ку-

да вернуться и где мой дом. Где я. С памятью, похоже, тоже что-то происходило. Хочу вернуться домой. Исследовать бы получше комнаты, чердак, подвал. Как мне сделать, чтобы меня не забросило опять? Есть версия! Полез за письмом. А его больше не было.

*

Как мне расколдовать себя, малыш? Как разбить на двоих созданное это зазеркалье? По силам ли мне это? Мне стало казаться, что я для этого избран. У меня такая миссия, назначенное задание. Кто-то дал мне эту роль, кто-то позвал меня, поманил, я придумал и поверил в это. Верил изо всех сил, всеем своим светом и всей своей тьмой. Особенно тьмой. Ей же вера нужна сильнее. Вера наполняла всё смыслом и я надышаться не мог этой верой, этой версией, что залила надеждой всё щели моего разума как эпоксидкой мастер рас трескавшуюся мебель. Чтобы не в хлам, не в мусор мировой, чтобы выжить. Я тебе ещё пригожусь, Бобби!

Я подошёл к зеркалу, потёр своё небритое лицо двумя руками, надавил на глаза. Так учила меня снимать усталость учительница математики, когда я, накатавшись в снегу на катке, приходил к ней на контрольную накануне новогодних каникул, без всякого настроения учиться. Похлопал себя по щекам. Взгляд мой сиял матовым мутным блеском, отражение отливало безумием, я сам был витражом, через который преломлялся свет из другого мира. Я глядел в отражение, расфокусировавшись, краски поплыли, образ рас-

кололся. Сзади меня, точнее, сзади моего отражения пробежала беззвучно девчонка, скользнула лихо. Юбочка развивалась, как знамя свободы. В отражении был день, а в моей прихожей была ночь. В отражении побелели стены, знакомая черная ручка на двери, оглянулся, стены в моём доме будто ещё больше потемнели, состарились, витражи на окнах отдавали в ответ на комнатное освещение разноцветные блики. Мой дом играл живым цветным шероховатым теплом. Дом в отражении манил чистотой, скользил юностью, совершенством, стерильной уверенностью в завтрашнем дне. Каждое пространство было переполнено своей версией жизни и стремилось перетечь в другое, захватить его.

Прошелся по комнатам, везде стоит стук и скрежет. Время от времени шум прерывается, меняются его тональность и громкость. Грохот то глух, то ясен. Ничего не встречается интересного, отправляюсь ужинать. Попал в кухню другого дома. Семья безмятежно дремлет. В воздухе держится запах сна. Облако покоя, умиротворения накрыло шапкой это место вместе со мной. Ходил на цыпочках. Был уверен, что шагами и скрипом их сейчас не разбудить. Холодильник огромен, сияет лакированным боком тёмно-синий металл. Здесь три секции. Нашел пакет апельсинового молочного коктейля, волшебная смесь! Выпил, в руке пакет. Вышел во двор, услышал вой, как только дверь за спиной закрылась. По спине побежали мурашки и иглы впились в затылок, вой близко, утробный, тоскливый, злобный. Кажет-

ся, кто-то воет в двух метрах и одновременно совсем далеко, там, в лесу. Жуткое ощущение присутствия – отсутствия сменяется ужасом от мелькнувших желтых зраков во тьме. Я не понимаю, как далеко, и близко, и далеко одновременно. Зверь. Я отвёл руку назад и не нащупал двери. Темно. Развожу руки в стороны – где мой дом? Дотрагиваюсь до возникших во тьме сосновых игл, вздрагиваю. Меня тряхнуло так, что вижу искры. Что-то подняло в воздух и опустило на землю в темноте. Чувствую себя сейчас и здесь маленьким и беспомощным. Слабым, потерявшимся. Так, что никогда не найдусь. Меня никогда не найдут. Никогда!

И тут моя рука коснулась тёплого, провела по гладкой длинной жёсткой шерсти. Это что-то, этот кто-то шевелился под рукой, дрожал. Ни рыка, ни храпа, ни звука дыхания. Я почувствовал, как по ногам течёт мокрое тепло, снова брюки поменять придётся. Мама, мамочка. Мама! Порывом, интуитивно подпрыгиваю вверх что было сил. Сработало! Меня бросает телом в воздушную упругую волну и сжимает, мне кажется, сейчас из меня выдавит всё, из носа потекла юшка рвоты, кровь. Сзади горячее колыхалось в штанах. Чужой зверь скользким, тёплым с агрессивным сипением хватает меня за запястье. Я чувствую слюну и зубы, язык, нежную десну. Зубы зверя обжигают, но потом отпускают. Рука выскользывает. Место выпустило меня. Очнулся на кровати в своём доме на втором этаже.

Ненужного, оставленного дедом и отцом, барахла хватало в доме почти в каждой комнате. Ну да, мужчины нашей семьи имели привычку разбрасывать свои вещи везде на открытом пространстве, сейчас это мне на руку. После душа и смены одежды, после полного переодевания я запихнул в себя всё, что нашел из припасов, всё, что не требовало готовки. Плавленные сырки, хлеб. Вяленая свиная шейка. Зелень. Помидоры. Меня шатает. Я роняю вещи. По столу кухни и по полу холла теперь разбросаны пакеты быстрой вермишели, картофелины закатились под стол.

На запястье чернильный синяк, кожа в двух местах прокушена. Ранки чёрные по краю, кровь не течёт. Внутри прокушенных отверстий скопилось что-то тёмное. Кроме зелёнки, перекиси и бинта я ничего не нашёл. Промыл, смазал зелёнкой. Перевязал. Рука болела не слишком, она немела, отказывалась слушаться. Вернулся и плюхнулся спать на ту же кровать, куда приземлился накануне. Ноет грудь и спина, между лопатками ломит от тисков, в которые я попал. Мне кажется, я вывихнул ребро. Жалею себя, а это ещё больше обесточивает. Свет не тушу, он погас сам. Вой начался, как только я закрыл глаза. На стуки в стенах и потолке я уже не реагирую. Окна и двери замкнуты. Я ухожу в сон и возвращаюсь под волчий, а может, собачий вой, а в междусоньи мне видятся чёрные тени. Вблизи они оказываются чёрными псами, лисами, воронами. Они лижут мою руку, клюют мою спину и грудь. Острая боль возвращает меня обратно и

я вновь засыпаю, чтобы видеть сумеречный зверинец. Качка между сном и болью длится и длится по кругу, пока я окончательно не засыпаю.

Сон. Серый ватный теплый знакомый туман щупает мне щёки. Что-то позвало меня, я взял знакомый керосиновый фонарь за ручку и подался вперёд. Понимаю, что сплю. Поднялся из своего тела и ушёл в ночь. Теперь бреду в тумане под тусклый свет лампы. Мне хочется вернуться в постель, хочется спать, но путь никак не находится. Я иду наощупь, интуитивно, через какие-то камыши у реки выхожу к большому пространству, к площадке, заполненной очередом. Промеж зелёных зарослей выются тропки. По ним ходят люди, но фонарь лишь у меня. Мои юбки, влажные, припали к ногам, скользят по ним, шлёпают. Сейчас я женщина тут. Иду, поправляя падающие на лицо длинные пряди. Грива волос свернута и лежит узлом на макушке. Мои ноги привычно и удобно раздвигают ткань, вышагивая. Люди видят мой фонарь, его несмелый свет. Они сбредаются сюда, ко мне. Все ко мне! Я чувствую прилив сил. Теперь они сзади. Все здесь искали выход и я одна несла фонарь. Я пытаюсь рассмотреть их лица. Вижу, но их черты тут же ускользают из памяти и ровно через секунду я не могу вспомнить. Я чувствую всех кожей, плечами, будто груз свалился на меня. Знаю: они идут там, за моей спиной. Идут за мной! Мне жаль их. Бесконечно нежный порыв поднимает тревогу за их жизнь. Во мне просыпается чувство долга, старое, заспанное, ненужное в

реальной жизни. Ответственность за всех этих людей, блуждающих, кружащих тут. Я здесь наделена доверием. Целые семьи. С детьми, даже с младенцами, с малышами, которых мамы прижимают к животам и к бёдрам, прячут под накидками, укрывают их от бед мира, как наивысшую драгоценность. Доверие вдохновило меня, дало лёгкости, несмотря на новый тревожный груз. Не хочу домой, в своё тело. Я хочу их всех спасти. Если получится. Всех спасти. Главное – я больше не одна. Не одинока.

*

– Я тебя вижу, я вижу, – царапал меня его детский шёпот куда-то в душу. – Я знаю, ты здесь. Это я тебя звал. Когда проснёшься, посмотри в углу снова, я оставил тебе письмо...

Просыпайся. Просыпайся! – этот голос! Неживым роботом после детского, горячего и искреннего, сверлит в голову и разбивает мир.

Но я продолжаю спать! Иду, а на мне узкие кожаные штаны для верховой езды, высокие сапоги охотника, у меня длинные волосы, я женщина. Вокруг люди, где-то в тумане. Вот появились те, у которых тоже есть фонари и лампы. Все они сбиваются вокруг меня, окружают и это ничуть не пугает. Туман съедает едва слышные звуки. Но если вслушаться в белёсую вату, в души этих людей, в дух места, то слышны жалобные и несчастные поскуливания, тихие всхлипывания, отчаянные вдохи. Отчаяние, привычное и вьёвшееся, объединяет, как и туман. Я понимаю, что я здесь давно. Ино-

гда они жуют на ходу, иногда говорят со мной. Но я иду и иду, ноги сами несут меня нужной тропой, тело моё привычно находит выход. Земля мне знакома. Врастаю в неё, становлюсь частью её, будто ходила тут все жизни. Вижу стайку детишек. – Мама, мама! – кричат они. Те, что постарше, смотрят с угрозой, напряжённо. Пусто и страшно, потерянные, выброшенные дети, отданные на растерзание, беглые, ушедшие откуда-то вот так, стайкой. Старшие заботятся о младших. Старшие глядят на меня как на сестру. Теперь я с ними. По пути мы встречаем ограду, каменную кладку из плоских сланцевых плиток. Она высока, а рядом дерево и я взбираюсь наверх. Переносим малышей, но я не успеваю самого маленького! Не успела! Перепрыгиваю на ту сторону. За мной погоня, старшие несут младших. Скоро каждый будет сам за себя.

Я просыпаюсь мокрым, пот на лице и руках, жидкая соль, руки дрожат. Просыпаюсь от удушья, мне что-то давит грудь. Окно открыто, хлопает, слышен треск и топот за окном, кто-то убежал. Зверь? Перестаю различать, где тут сон, а где реальность.

Сажусь на постели и понимаю, что время перед рассветом.

*

Лезу рукой в угол, нащупываю, да, это оно! Сложенный вчетверо листочек тетрадной бумаги. Свечу на него, темно. Листочек из той же тетради. Достāju тетрадь, листаю – ещё одного листка не стало. Прикладываю лист, да, оно. Читаю.

Ты существуешь. Мой друг. Я видел, как ты приходил! Наблюдаю за тобой. Теперь я точно знаю, что ты есть...

Мне стало не по себе. Я вернулся в комнату, спотыкался в темноте. Меня опять бросило в пот. Будто тело моё распадалось от бесконечных перемещений и потрясений, как на безумных больных американских горках! Присел на край кровати, поднёс свет к листочку. ...я давно для тебя пишу, как только научился, как был маленький. А до того я тебя звал и звал. Я теперь знаю, что ты придёшь ко мне когда-нибудь.

Передохнул.

...ты Бог. Мама сказала, что никакого Бога нет. А папа с ней спорил. Они кричали, было плохо. Я люблю папу и маму, и наш дом. Забери меня отсюда, пожалуйста, пожалуйста! Мне страшно. Папа и мама кричат, кричат и кричат! Я больше так не могу!

Почерк был такой же, как в прошлый раз. Но, похоже, письмо было написано раньше. А в тетради оно появилось, точнее, пропал лист от него, гораздо позднее.

Переодеваюсь. Остались только вода, кофе и яйца. Сахару нет. Малыш, я иду.

*

Укушенное запястье немело во время сна или когда я долго сидел в одном положении. Иногда оно отнималось внезапно, когда шёл. Рука онемела, когда я зажал в ней молоток. Как только я начал работу, все странные события последних

дней внутри улеглись. Я смог отвлечься. Мозг справлялся! Неужели и вправду я управляюсь с жизнью сам? Стук-стук-стук. Я укреплял оконные наличники снаружи дома на первом этаже, у крыльца. Красивый витраж в тонком переплёте отражал солнечный свет. Такое окно стоило возни. Хотя сам витраж был далёк от произведения искусства, как и рамы церковных икон в моём детстве, и бабушкино ришелье на льняных шторах, но мне это казалось верхом красоты когда-то, виделось изысканным, изящным. Это были мои первые культурные ценности, а сейчас смешно о них помнить. Красивое и блестящее нравилось мне, в завитках, гранях, резьбе, росписи, мозаике, с таинственными надписями и символами. Сияющее, то, что преломляло свет. Я и сейчас чувствую в этом магию. Стук-стук-стук. А в ответ мне тоже стук-стук-стук-стук-стук. Я снова стучу, а мне в ответ эхо. Как переключка: я и кто-то неизвестный. Как только замолкала музыкальная фраза первой скрипки моего молотка, в ответ ей вторил анонимный фагот, развивая по-своему музыкальную тему. Через час таких мелодичных перестукиваний я решил войти внутрь. Вошёл. А в доме стены оказались затянуты паутиной. Стоял тяжёлый трупный запах. Если вы когда-то познакомились с этим ароматом, вы поймёте, какое волнение и тревогу он вызывает. Значит, вы знаете, что это запах не спутать ни с чем. Пол скрипел и хрустел, стены выглядели почерневшими, всё было в пыли. Меня стошнило. Снова! В этом доме поглощать пищу стало пустым заня-

тием. Держу молоток в одной руке, пачку гвоздей в другой. Перемещаюсь потихоньку по холлу в сторону лестниц. Одна взлетает наверх, вторая нисходит в подвал. Точно так же, в той же закономерности, как нечто отвечало на стук молотка, теперь оно отвечает на мои шаги. Скрип-скрип-скрип. И сразу скрип-скрип-скрип-скрип. Ещё шаги. И ещё ответ. Тяжёлый ответ, грузный. Свет не зажигается. Везде эта мелкая пыль, как серая жирная мука. Я спустился вниз. Ступени были необычно тихи. Свет в подвале горел очень тускло, слабее обычного. Внизу кишели крысы, вился рой мух. Лежала посередине подвала горка тряпья, странная, большая. Тяжёлый запах струился, видимо, оттуда. Я подошёл. Увидел хорошо мне знакомую бочку. Ту, что я находил в своём погребе недавно. Мой трупник располагался рядом с этой грудой, крышка была открыта, будто ждала проглотить добычу. Я приблизился и волны крыс хлынули врассыпную. Наклонился. Увидел полужидкое гниющее месиво, случайно вдохнул, закашлялся. В тряпье два тела взрослых и тело ребёнка. Эта девочка. Я видел её раньше на другой стороне. Волосы, когда-то золотые, а теперь грязно-серые, сбились колтунами. Всё осело, растекалось у меня под ногами. Дыры в телах от зубов крыс, съедены глаза, носы, губы. Стошнило. Выбегаю прочь.

На воздух, дышать. Но я уже знаю шутки этого дома. Возвращаюсь, а там словно специально чисто. Никакой пыли. Никаких мешочков от съестного. Никакого мусора, никаких

разбросанных по полу пакетиков быстрой вермишели. Всё стерильно. Как в операционной. Как в комнате для допросов в фантастическом фильме о кибербудущем. Запахов нет, вообще. Звуков тоже нет. Почти не слышу собственных шагов. Будто заложило уши после взрыва. Рука внезапно полностью онемела, перестала ощущать. Молоток выпал из бесильных пальцев, с мягким ненастоящим звуком он ухнул о пол. Кружится голова. Бело в глазах. А свет слабый, лампы горят едва-едва желтоватым, словно свечи. Свечи, я их вижу! Но теней нет. Свет колышется, не создавая тени. На стене пробегает очертание кружевной стрельчатой арки. Неуверенно мелькнув, исчезает. А на улице день, современный день, ничего не подозревающий и невинный. Электропровода над двором и деревьями, автомобиль и водяная колонка с электрическим насосом.

Уходи. Голос поприветствовал меня колокольным гулким звоном, ударился об уши изнутри, зашумело. Уходи, ты нас разрушишь. Иди на реку. Иди сейчас. Я побежал, потрусил как щенок, униженно и услужливо. Готов на всё, прямо сейчас. Иду! Там покой, можно умолять воду и выпросить освобождения у любимых моих берегов.

Перед тем, как уйти, я положил останки в бочку, всё, что можно было собрать. Уборка заняла много времени, всё во мне черствело, чернело и холодело. Хотелось к воде. В миг, когда я касался бочки, стены менялись. Я оказывался то в своём собственном погребе, в котором я первый раз и нашёл

эту бочку. То снова здесь, в непонятной версии дома. А порой на половинку мига я видел толстые деревянные сваи в свете коптящего факела, воткнутого в железное крепление в стене.

*

Вода поглощала мои печали, мысли, остатки моего я. Так хотелось раствориться, перестать существовать в таком виде, состоянии. Но остаться частью реки, леса, течения, ветра, частью шума верхушек сосен. У реки мне стало легче. Быть свободным. Остаться собой в своём теле большая удача в моих нынешних жизненных обстоятельствах. Всего лишь водоём, а сколько сил даёт! Я бреду у берега, позабыв о голосах, детях, о прошлом. Пинаю ногами камешки, шевелю кустики травы у воды, мокрой, нахальной. Сейчас здесь не чувствуется ни осени, ни лета. Украденное у законов физики место и время. Часы уединения. Или минуты. Или дни. Течение шелестит вдоль земли, берегов и трав, гудит очерет. Речная песня, тусклая и только для тебя. Для тебя. Для меня. Для всех таких, как я.

*

Вспомнил свою детскую любовь. Детский сад. Та девочка. Её никогда не бывало в этом доме. Тут никогда не было любви. Одна одержимость. А та девочка была маленьким тёплым ароматным существом, в красном льняном платыце в белый цветочек, на завязочках над плечами. Её хотелось трогать и обнимать, хотелось прижаться к ней лицом,

охватить руками. На площадке детского сада мы прятались за беседкой от всех, рассказывали друг другу секреты, показывали открытия. Ничего подобного со мной не случилось потом. Я жил тоской по этим моментам и болью потери, когда меня забрали в школу. Я больше никогда её не видел. После школы я бродил вокруг садиков и мест, огороженных таким точно забором, каков был в тех местах, где гуляли мы с ней. Я даже не увидел в себе тогда своей смутной тоски, печаль же выросла в убивающего и разъедающего кислотой внутренности монстра. Монстр, зверь этот опустошал всё вокруг и превращал в пыль. То, что потеряно навсегда. То, что было самым прекрасным мигом жизни. То, что тлеет искрой боли. Что пробыёт потерей будущее, такое обречённое этой тенью на будущую боль. Sweet dreams are made of this. Who am I to disagree? *

Иди вперёд. Голос. Я вошёл в воду как внутрь варёва времени. Моя таймлайн закрутилась водоворотом вокруг эпицентра. Обнял голову ладонями. Одна рука бесчувственна, как поленце. Окунул её в воду и держал там долго, в надеждах, что вода вылечит, растопит. Но нет.

Я стоял в воде спиной к течению. Вокруг меня оно набирало темп, давило, бурлило. Пузыри, водовороты. Мне мерещилось. Я видел, как всплывают тела людей и детей. Как белые их лики выныривают из стекла воды, омываемые в последний раз, как через закрытые веки смотрят в небеса, молча текут вместе водой тенями, прозрачными и несуществу-

ющими. Я стал частью этого, пропитался тишиной водяных могил, понял, как это спокойно и хорошо, быть тут с ними, плыть, как они. Какое это благо и дар, быть похороненным в реке и получить вечную жизнь воды. Её бессмертный дар растворения. Жизнь продолжалась, в других венах и артериях, в венах и артериях ручьёв и рек. Неспokoйная вода питает спокойствие озёр и болот. Неспokoйное питает спокойное.

Я вышел из воды, мне было холодно. Снова смеркалось. День и ночь проносились со скоростью комет. Я вышел из воды, моды, вышел из себя, вышел из луны со своими фазами, мечтами и снами. Эти галлюцинации, голоса, письма. Дети, к которым меня почему-то влечёт. Почему я в этом всём? Почему я здесь? Почему именно я? А, лес? А, голошишко? А, реченька? А?!..

Мокрый. Вода стекает, мне неловко и стыдно, что я намочил и без того влажный лес. Воздух нынче сырой, вода висит в воздухе. Роса. Подбегаю к воротам, во двор, а там... Та часть двора, где я сейчас, от ворот до крыльца, остаётся ещё тем двором, из которого я выходил и здесь ночь. Мурчат цикады, пищат комары. Но перед крыльцом начинается другое. Тот дом, на крыльце мальчишка, Бобби. Бобби стоит, а его родители обнимают его сзади. Там день. Это надо сделать. Вымучить уж всё до конца! Рука, раненая, немая, вдруг чешется. Сильно! Внутри покалывает. Пальцы вздрагивают, их бьёт током. Я бегу навстречу судьбе и ударяюсь лицом, грудью, коленями. Всем телом я влетаю в тугой неви-

димый барьер. Меня отбрасывает назад. Мигает свет. Боковым зрением я вижу девочку, золотоволосую, со своими папой и мамой. Те же родители, что и у Бобби. Одеты иначе, другой стиль. Отлетаю назад. Успеваю споткнуться и упасть к девочке под ноги. Здесь раннее утро и я успеваю это отметить. Боже мой, незначимая чушь лезет в голову. Они кричат, убегают в дом. Я страшен, грязен, мокр, истощён и зол. Бегу за ними. Ташу за собой свою реальность, она прилипла к моей спине, как крылья летучей мыши. За мной темнеет. Я несу ночь и тьму, я их такими вынес из реки. Бегу, а за мной идёт тень. Моя тень! Вхожу в дом, который обращается моим тусклым домом там же, где ступают ноги. Дом-оборотень. Кричат. Почему они кричат? Почему они в подвале? Дверь не заперта, но она не открывается. В этом месте в моём доме глухая стена. Трансформация застряла, дверь слилась со стенкой. Им уже не выбраться. Они так и будут лежать там. Там и погибнут, останутся навсегда в своём последнем убежище. Замрут, вцепившись друг в друга в агонии любви и страха. Оборачиваюсь. Вот он сзади мой дом. Их дверь в стене моего дома-оборотня. Подвал там же, где и был у меня, но дверь теперь в другом месте.

Бегу наверх. Я всё ещё мокрый. Дом снова мой. Гудит в прежней шкуре, скрипит, смотрит витражами, маленькими странными окошками, тёмными когда-то цветными обоями. Мини-замок, выдумывает что-то. Малышом я представлял, что часть этого строения – таинственный дворец, полный

призраков и видений. Витражи и непонятный стиль обоев очень тому способствовали. А идея про дворец, старинную крепость помогала мириться с бытовым унынием. Сейчас я погладил перила стены. Нашёл картонную коробку, увидел верёвку. Засохшее вещество. Она в крови, наверняка. Сжал, погладил, нежно ласкаю шнур. Сижу, мотаю её на руку. Она пропитана живым духом, она отдаётся внутри образами и фантазиями. Звенит чьими-то жилами и прекратившимся дыханием. Верёвка дала мне силы, передала часть заряда из своей прежней такой пугающей жизни. Сижу, мотаю её на больную руку. Кисть оживает. Перестаёт ныть, колоть. Чувствует. В животе тепло, надёжно и понятно. Я рад.

*

Сладкий нежный сырный ванильный кекс щекотал ароматами сердце и нос. Язык ждёт, предвкушает. Коричневая корочка, жёлто-белая серединка. Уцепиться, утонуть в нём зубами, в горячем, дымном, обжигаться, прижечь язык, небо и пальцы. Кекс оставит отпечаток во рту. И даже когда вкус исчезнет и память о нём сотрётся, останется ожог, как память о таком нежном, сладком, кислом, ароматном ванильном потрясении. Ну что сравнится с едой? Разве что сон, но сон так однообразен! А вот кексов столько, сколько хозяек. Я схватил горячий кусок, нанёс свой фирменный ожог во рту и выбежал во двор.

Я снова маленький. Это сон или...? Бегаю, бабочки вокруг. Интересно, куда легкокрылые подевались, когда я вы-

рос?

– Мама! Мамочка! – я звал её, хочу показать ей, как болит рука. Прошу помочь мне. Рука потемнела, онемела, из ранок сочится сукровица. Бечёвка обнимает кисть, пропитана потом и жидкостью, стала чёрной. Я потрогал ранку, выступила кровь. От руки плохо пахло. Мамочка! Она выходит на крыльцо, но её лицо размазано и размыто, её родные черты растворяются и исчезают. Мамочка, помоги мне! Помоги. Остаётся только её запах. Я больше её не вижу. Мамы здесь нет. Куда-то ушла. Ускользает. Я за ней. Иду за ароматами мамы, её волос, халата, еды, которую она вечно готовит. Знакомые запахи на время побеждают ужасный смрад от руки. Но мне страшно и стыдно, что я беспокою мамочку. Святую статую без чувств, в которую она превратилась после смерти деда. Омертвела. Умерла. Увы, это не моя мама. Моя мама была не такой. Мамы нет. Той любимой мамочки не стало после того, как она нашла деда, своего отца, в ванной кипятка, голого и распухшего, с бутылкой водки в руке. Возвышающегося чудовищной инсталляцией среди разбросанных вещей, которые старики собирают во все времена «на смерть». Похороны. Его лицо было закрыто полиэтиленовым пакетом от конфет. Мама, ты где? Куда ты подевалась? Много цветов вокруг, голова кружится и тошнит от веяния из гроба, смешанного с ароматами цветов. Лето. Такое же лето, как сейчас. То же время. Мама ушла, а пришла вместо неё другая, зля колдунья. Мачеха с тем же лицом и тем же телом. От неё

воняло тухлятиной. С каждым годом всё больше. Она была жестокой, злой, я боялся её. Мир будто темнел в её присутствии. Моя маленькая жизнь потемнела. Мать изменилась. Её душа издохла. Изменила меня. Покалечила, измяла. Годами я тянулся к идее той самой прежней мамы. Которая, а я надеялся, всё ещё живёт где-то внутри этой ужасной чужой женщины. Может быть, моя мама заперта там, в глубине, может быть, она нуждается в любви, во мне, в знании, что нужна. Я жду её и всё ещё люблю. Я готов ждать вечно. А то, что любовь ничего не меняет и никого ещё не победила, я уже понял и убедился сам. Любовь разрушает многих. А создаёт только новую жизнь из нескольких клеток. Мама. Найди меня среди поехавших пластов мироздания. Я здесь застрял и бьюсь, ещё живой. Я чувствую, как тяга к жизни утекает из меня через укус. Он всё время чешется! Я опять смотрю на своё запястье. И снова вижу руку взрослого. В другой руке кусок сырного кекса, пальцы ещё розовые от соприкосновения с горячим.

*

Sweet dreams are made of this.

Who am I to disagree? *

*

Я перекрестил на её шее бечёвку и начал тянуть, так, как я видел в кино. Онемевшая рука надёжна, будто это действие ей привычно. Мы, те, кто живёт в современном ми-

ре – потенциальные убийцы все до одного, из-за доступности понимания, как это сделать, через фильмы и детективные сериалы. У меня было чувство бьющейся птички в руках и я почувствовал боль. Происходило что-то непоправимое. Несколько раз мне хотелось отпустить, но я понимал что нельзя, голос не отстанет всё равно. Как из неё утекала жизнь, так из меня утекал свет, я сваливался во тьму окончательно, в боль и был нанизан на ножи чувства вины. Чувствовал каждый её жест, каждое движение, все её переживания. Человек, бьющийся за жизнь, ужасен. Я понимал, что она сейчас думает о сыне, что внутри неё разверзается кошмар, но я не мог прекратить, не мог, уже было поздно. Мне хотелось как-то не так, но... всё равно реальность другая, не такая, как в письме, да, малыш? Так лучше? Или нет?

Some people got the real problems,

Some people out of luck,

Some people think I can solve them,

Lord heavens above! *

Она видела, что я сделал с её мужем. Я ощущал её панику и отчаяние волнами, они изрешетили меня везде. Понимаю, что вероятно, уже не выживу после этого. Боюсь снять с неё бечёвку. Казалось, она оживёт, схватит меня и будет громко, нескончаемо долго ругать за то, что я натворил. Но оста-

вить так я не мог. Это выглядело плохо, некрасиво, уродливо, страшно. Я снял шнурок и бросил в какой-то картонный ящик, стоявший в углу, сверху бумаг, газет и писем. Как всё теперь запуталось. Как это распутать. Что с моей памятью. Что теперь со мной. Некрасивые полосы крови были везде, на полу, на стенах. Как грязно! Фу, какая грязь! И запах. Как отмыть? Но ведь это такая мелочь, правда, Бобби? Мы выдержим это?

Мой солнечный малыш, он где-то гладит кота в это время. Наверное, он на своём любимом третьем этаже смотрит на солнце. Нельзя оставить всё так, как было написано в письме. А то выходит, я ничего не изменил. Мне захотелось отнести их на реку и я отнёс.

I'm only human after all,

I'm only human after all,

Don't put the blame on me,

Don't put the blame on me. *

*

Пузыри на воде всплывали пенистой шапкой. Затем на поверхности показались два тела. Луна светила голубым, напротив вставала другая, жёлтая луна. Две луны смешали свет, как тайные любовники в своём последнем запретном свидании. Тени погасли и стыдливо спрятались, вода све-

тилась в жёлто-голубом свете ртутью, одна, одинокая, гордая и горькая, плюхая маленькими робкими волнами о мокрые раскисшие берега, она меняла своё движение каждые несколько минут, и в пересменку образовывались водовороты.

Я сидел на берегу, мокрый, поцарапанный, усталый, с трудом дышал, пальцы ломило. Мне одиноко и страшно в открывшейся с уходом голоса внутренней пустоте. Голос исчез, вырвал и унёс с собой кусок меня в небытие. Всё во мне проваливалось в этот чёрный колодец, смывалось тревогой и паникой дочиста, кануло в черноту, забывалось. Моё я уничтожается, остатки меня осознавали распад, а возле двора, на другой стороне от моей реальности, в рокоте и рычании двигателей, с подвыванием сирен паркуются полицейские и скорая. Серый, Рыжун и незнакомый белый кот бродят среди изумрудных прудов травы. Свет отражается от их зеркальных глаз, жёлтым и опаловым лунным.

I'm only human, I do what I can,

I'm just a man, I do what I can,

Don't put the blame on me,

Don't put your blame on me. *

Я достаю тетрадь, вырываю лист и пишу:

Дорогая Высшая Сила! Забери меня отсюда, сделай хоть

что-нибудь. Если ты, конечно, есть и ещё со мной.

Я иду степью. Травами осени, воздухом из конца сентября, сыростью из октября. Сырной головой солнце закатывается к столу горизонта и это продолжится, сколько захочу. Юбка для верховой езды, плотная, стёганая, синяя кобальт, с клиньями бордо, она взлетала крыльями, лисьими хвостами в порывах игры ветров.

Thought I found a way,

Thought I found a way, yeah (found),

But you never go away (never go away),

So I guess I gotta stay now. *

Глаза щурятся с радостью, дух свободен. Мои сны прекратились с тех пор, как я решила остаться здесь. В прозрачных степях за рекой. С каждым днём я уходила всё дальше вглубь, измеряя ногами мили и километры долгожданных питательных вольных земель. Только камни и бездорожье встречают меня. Здесь нет никого, никого из тех, кого я не хотела бы видеть. Руки всё ещё болят. Одна рука чувствует рукоять светильника, а другая сочится ранками, но они заживают. Они заживут, скоро заживут. Совсем. Останутся белые крошечные шрамики, тайные метки.

Oh, I hope some day I'll make it out of here,

Even if it takes all night or a hundred years,

Need a place to hide, but I can't find one near,

Wanna feel alive, outside I can fight my fear. *

Брюки под свободной юбкой согревали мои ноги. На плечах лежит шаль, рыхлая, пушистая, связанная кем-то, чьё имя и лик выкатились из моей памяти, как шарики порванных бус. Я спала меж холмами, ела что смогла поймать, омывала лицо в источниках в те дни, когда я их встречала. Я ещё помню свою любовь, но не в силах вспомнить адресата. Воздух наполнен моими детьми, неслучившимися, бестелесными из-за отсутствия шанса родиться и выжить. Здесь такое невозможно. Но здесь безопасно. И легко. Я дома.

Isn't it lovely, all alone?

Heart made of glass, my mind of stone,

Tear me to pieces, skin and bone,

Hello, welcome home. *

* В рассказе использовались отрывки из песен Sweet Dreams от Анни Леннокс и Дэвида Стюарта дуэта Eurythmics, Human от Rag'N'Bone Man, Lovely от Billie Eilish.

Послушать их, найти полные тексты и переводы можно в интернете.

Обложка создана на основе собственного фото автора Натальи Полухиной.